

Владимир ПЕРШАНИН

ШТУРМОВАЯ ГРУППА

Взять Берлин!

Библиотека военных приключений

Владимир Першанин

Штурмовая группа. Взять Берлин!

«Яуза»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Першанин В. Н.

Штурмовая группа. Взять Берлин! / В. Н. Першанин — «Яуза»,
2015 — (Библиотека военных приключений)

ISBN 978-5-699-83889-9

Лучший современный роман о штурме Берлина и последних днях Великой Отечественной войны. Правда о том, какую цену пришлось заплатить за величайший триумф в нашей истории. Апрель 1945 года. Красная Армия рвется к столице Рейха, но это далеко не тот «победный марш», о котором трубят политруки. Вермахт и войска СС стоят насмерть, фольксштурм дерется отчаянно, а немецкие города превращены в настоящие крепости, которые приходится брать штурмом. Однако и наши войска уже не те, что прежде, накопив огромный опыт, превратившись в несокрушимую боевую машину. И первыми в преисподнюю городских боев теперь бросают не новобранцев, а элитные ШТУРМОВЫЕ ГРУППЫ – превосходно вооруженные, поддержанные танками, самоходной артиллерией, снайперами и огнеметчиками, укомплектованные лучшими бойцами и командирами. Эти «бессмертные комбаты» и матерые фронтовики, что круче любого спецназа, прошли пол-Европы и повидали все круги фронтового ада. Им принимать самый трудный, последний бой. Им брать Берлин, зачищать «логово зверя» и поднимать флаг Победы над Рейхстагом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83889-9

© Першанин В. Н., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Штурмовая группа капитана Ольхова	8
Глава 2. Вперед, на запад!	23
Глава 3. Прорыв	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Першанин

Штурмовая группа. Взять Берлин!

© Першанин В.Н., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО Издательство Эксмо», 2015

В оформлении переплета использована иллюстрация художника М. Варавина

* * *

Предисловие

Главный город «тысячелетнего Рейха», просуществовавшего всего двенадцать лет, горел, выстилая в весеннее небо клубы дыма. Ветер поднимал копоть и пепел от сожженных бумаг, еще недавно определявших судьбу Европы. Они оседали в мутную воду сонных речек Шпрее и Хафель, многочисленных каналов, покрывая их вязким черным налетом.

Нацистский Берлин с вознесенными к небу дворцами и монументами, с которых еще недавно взирали суровые и мужественные арийские вожди, покорители мира, стал скопищем развалин.

Ненавистный для миллионов людей город, превращенный в крепость, еще жил, посылал приказы воевать до последнего немца. Пульсировала, шевелилась подземная рейхсканцелярия, где, дергающийся от контузии и приступов психической болезни, вождь нации Адольф Гитлер продолжал войну, не замечая из своего подземелья, что она проиграна.

Агония будет длиться еще месяц, и погибнут сотни тысяч людей, прежде чем прихлопнут это последнее убежище и заставят фашистскую Германию капитулировать.

А пока широкими потоками наступали на столицу Рейха войска трех прославленных фронтов: 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского. Шли ожесточенные бои, преодолевались полосы мощных укреплений.

Разведывательно-штурмовые группы прокладывали путь корпусам и дивизиям, делая все, чтобы ускорить исход самой жестокой войны двадцатого века.

Глава 1. Штурмовая группа капитана Ольхова

Разведка нарвалась на засаду там, где ее не ожидали. Подходы к мосту через небольшую речку Пиницу представляли собой открытое со всех сторон поле. Его пересекал изрытый гусеницами гравийный проселок. Именно здесь, метров за четыреста до моста, из хорошо замаскированного дота и узкой траншеи открыли огонь два пулемета: крупнокалиберный и, второй, скорострельный «МГ-42».

Впереди шел бронетранспортер «Скаут», следом мотоцикл. Командир разведки лейтенант Савелий Грач дал команду отходить. Одновременно ударили оба пулемета «Скаута», прикрывая отход. Вражеские пули щелкали по броне, прошили подкрылок, звеня, разлетелась фара.

Расчет «браунинга», установленного над кабиной, сумел удачно накрыть станковый «МГ-42». Пули калибра 12,7 миллиметра разбили, смяли немецкий «машингевер». Оба пулеметчика были убиты или тяжело ранены. Но через минуту очередь из дота опасно резанула по капоту, пробила броневую заслонку кабины.

– Уходи с дороги, – скомандовал лейтенант механику-водителю.

Механик и сам понимал, что поединка с немецким крупнокалиберным пулеметом, да еще упрятым в доте, их машина не выдержит. Светилась дырка в заслонке, возможно, пробило капот и повредило двигатель. «Скаут» резво скатился с проселка и нырнул в кювет, где на четверть стояла талая вода.

– Гони к той низине, – показал направление командир разведки.

Машина, утопая в грязи и натужно ревя мотором, преодолела кювет и укрылась в низине за поворотом дороги. Здесь протекал ручей, но дно было твердое, каменистое. И хотя вода вскипала бурунами возле ступиц колес, отсутствовала опасность, что пятитонную машину засосет в грязь.

Лейтенант Грач, долговязый, с болтавшимся на груди биноклем, встал на подножку и болезненно сморщился. Он старался беречь своих людей, но мотоцикл «М-72» вырвался вперед и угодил под огонь.

Водитель лежал грудью на бензобаке, продолжая цепляться одной рукой за руль. Пулеметчик, сидевший в коляске, был тяжело ранен. Его безуспешно пытался вытащить командир отделения сержант Иван Шугаев. Веер бронебойно-зажигательных пуль добил пулеметчика, вспыхнул бензобак. Сержант, пригибаясь, бежал прочь.

Сгоряча перемахнул дорогу, которая хорошо простреливалась из дота. Смелым везет – пули выбили мелкий гравий у него под ногами, очередь прошла мимо. Шугаев добежал до «американца» (так иногда называли «Скаут») и, тяжело дыша, сообщил лейтенанту:

– Побили ребят. Не успели развернуться.

– Какого рожна ты вперед лез? Я же вас специально позади «Скаута» держал.

– Какая разница, пятьдесят или сто метров? У фрицев калибр тринадцать миллиметров. Такой и за километр мотоцикл размолотит.

Оба глядели, как, треща, горит, словно сухая поленница дров, тяжелый «М-72», а с ним вместе двое разведчиков. Расчет «браунинга» расстрелял ленту и торопливо устанавливал новую коробку. Пули из дота с опасным свистом пролетали над головой.

– Прекратить огонь, – повернулся к ним Грач. – Настрелялись. Вон двое горят.

– Да и нам досталось, – сказал механик-водитель, ощупывая пробоины и вмятины от пуль.

– Двигатель не задело?

– Нет. На ходу машина.

Сержант-пулеметчик странно, с нервными нотками рассмеялся.

– Расчет фрицевский мы накрыли. Только брызги полетели. А пуля из дота возле головы пролетела. Как пятерней по уху вмазала. В башке до сих пор гудит. И вторая в нас шла, о броню сплющилась.

– Хлебни воды, успокойся.

– Да я спокоен. И помощник тоже...

Второй номер расчета отвинчивал и никак не мог справиться с крышкой двухлитровой фляги. Он еще не пришел в себя от близкого свиста пуль и смерти двоих ребят из взвода. Полчаса назад вместе перекуривали, а сейчас горят вместе с мотоциклом.

Такая участь могла постигнуть и его. Пулемет из бетонной норы приложился точно. Если бы механик замешкался, то следующая очередь пошла бы точнее.

А крупнокалиберные пули бьют наповал, голова как арбуз разлетится.

– Дай сюда флягу чего ковыряешься!

Сержант, приходя в себя, свинтил крышку, сделал несколько больших глотков, затем передал термос помощнику.

Тем временем лейтенант Грач связался по рации с командиром штурмовой группы капитаном Ольховым и доложил обстановку.

– Что там, кроме пулемета, видно? – спросил Ольхов.

У долговязого лейтенанта было острое зрение.

– Пушка на другом берегу и, кажись, танк вкопанный.

– Присмотрись получше и возвращайся.

Грач выполз на пригорок, покрытый жухлой прошлогодней травой, и вглядывался через бинокль в противоположный берег. Высмотрел кроме противотанковой 75-миллиметровой пушки зенитный автомат и башню упрятого в капонир «тигра». Танк был накрыт камуфляжной сеткой, но его выдавало пятиметровое орудие с массивным дульным тормозом.

Эти тяжелые танки с мощным орудием «восемь-восемь» в 1945 году уже не вызывали того будоражащего опасения и даже страха, как это было в начале их появления на фронте.

Ничего не скажешь, опасная машина с броней в десять сантиметров и пушкой, способной поджечь «тридцатьчетверку» за два километра. Времена изменились. Научились драться с «тиграми», да и «тридцатьчетверки» уже другие, с усиленной броней и пушкой, мало уступающей 88-миллиметровке.

И тем не менее лейтенант оценил осторожность капитана Ольхова, не ставшего рисковать и брать этот невзрачный мост с ходу, хотя силы для этого имелись. «Тигр» делов бы натворил.

Со своей скорострельностью и мощными снарядами эти хищники, случалось, целые танковые роты за считанные минуты выбивали.

– Уходим к нашим, – вернувшись к «Скауту», объявил лейтенант. – Шугаев, бери еще одного разведчика, и оставайтесь здесь. Если фрицы полезут, уходите по низине. В бой не вступать.

Бронетранспортер развернулся на малом газу и двинулся в обратном направлении. На другой стороне дороги дымил сгоревший мотоцикл. Тела погибших разведчиков, почерневшие, превратившиеся от сильного жара в головешки, так и остались на своих боевых местах. Порыв ветра донес запах горелой плоти, хорошо знакомый лейтенанту за два с половиной года пребывания на фронте.

Штурмовая группа капитана Василия Ольхова временно остановилась в сосновом перелеске в двух километрах от речки. Группа состояла из пехотной роты, трех танков «Т-34-85», трех легких самоходок, орудий, взвода разведки, саперов, нескольких бронетранспортеров, грузовых машин и мотоциклов.

Две с половиной сотни людей, хорошая техника и опытный командир, воевавший с августа сорок первого года. Капитан Ольхов собрал офицеров, обсудили положение. Официаль-

ным заместителем Ольхова был Савелий Грач. Командир танкового взвода старший лейтенант Антипов слушал Ольхова, кривя губы в легкой усмешке.

Бориса Антипова с самого начала задевало то, что он, командир основной ударной силы группы, не был назначен даже заместителем, а мог бы возглавить и всю группу. Воюет с Курской дуги, имеет два ордена, медали. Ему не нравилась осторожность Ольхова, которую он оценивал как нерешительность.

Тем временем капитан коротко изложил план дальнейших действий. Переправить ночью через Пиницу на трофейной резиновой лодке группу бойцов и ударом с тыла уничтожить охрану моста, «тигр» и противотанковые пушки, избежав лобовой атаки, которая без больших потерь не обойдется. Кроме того, немцы наверняка успеют взорвать мост.

Для уничтожения «тигра» и блиндажей имелись три «фаустпатрона» и новые противотанковые гранаты РПГ-6 кумулятивного действия.

– Кто пойдет на ту сторону? – спросил Савелий.

– Я пойду, – ответил капитан. – Со мной младший лейтенант Шевченко, а всего человек двадцать. Толпу для удара с тыла собирать ни к чему.

– Командиру положено оставаться с подразделением, – заметил лейтенант Малкин, инструктор политотдела дивизии, откомандированный в группу Ольхова в качестве парторга.

– Положено, – согласился капитан. – За меня останется лейтенант Грач. С осени сорок второго года на фронте. Думаю, справится.

В голосе Ольхова слышалась ирония. Он не любил, когда обсуждали его приказы.

– Вам виднее, – сказал вежливый и аккуратный политработник. – Но если надо, то и я могу на тот берег пойти.

Было заметно, что кучерявый лейтенант произнес эти слова с заметным напряжением. Боевого опыта инструктор не имел, и лезть ночью во вражеский тыл через черную холодную речку совсем не стремился. Капитан оценил самоотверженность политработника.

– Обойдемся сами, Яков Григорьевич. Там бойцы бывалые понадобятся. А ты поднимай боевой дух личного состава.

Командир разведки Савелий Грач тоже не одобрял решение Ольхова влезать в ночной бой, который неизвестно чем кончится. Кроме того, получается большая задержка в продвижении штурмовой группы, а значит, передовой дивизии и остальных частей, идущих на Берлин по этому маршруту.

– Часов пятнадцать потеряем, – озабоченно выразил он свое мнение, когда остались втроем с Ольховым и командиром саперного взвода Петром Шевченко.

– Другого выхода не вижу, – пожал плечами Ольхов. – Двинем днем, да еще с танками, они просто взорвут мост, да и «тигр» подходы пристрелял. Сожжет нашу технику. На километр не даст приблизиться.

– Они и ночью успеют мост взорвать. Всех делов – повернуть рубильник, и готово.

– Ночью есть шанс их опередить. Если до сих пор не взорвали, то и сейчас торопиться не станут. Ожидают, что мы танки вперед двинем и всю остальную технику. У них задача не только мост стеречь, но и наши танки из строя выводить. Ослаблять напор на Берлин. Если сработаем четко и захватим мост, то не пятнадцать часов, а суток двое выиграем для дивизии.

Вернулся Шугаев с напарником, старательно, хоть и коряво, нарисовал план моста и укреплений. Сообщил, что противотанковых пушек там две. Кроме «тигра» и зенитного автомата имеются минометы.

– Основная оборона сосредоточена на правом берегу. На левом, кроме дота и траншеи, под берегом каски мельтешат. Там тоже хорошая позиция для минометов. Только их не разглядеть.

– Гарнизон приличный, – рассуждал Грач. – Артиллерийские и минометные расчеты, экипаж «тигра», охрана, пулеметчики. Человек с полсотни наберется. Из них три четверти на правом берегу. Рискованную затею ты задумал.

– Вряд ли они ожидают, что мы с тыла без техники полезем, – сказал Ольхов. – И вообще, болтать долго не будем. Решение принято.

– Тогда группу свою усильте, – настаивал Савелий.

– Ладно. Возьмем для ровного счета еще с пяток бойцов. Вон, Шугаев Иван с нами рвется, только скромничает.

Сержант Шугаев, в прожженном маскхалате и с ободранной щекой, в ответ лишь шмыгнул носом. Сегодня он едва избежал гибели и не рвался испытывать судьбу опять. Слова капитана звучали хоть и добродушно, но за ними угадывался жесткий приказ. Шугаев хорошо изучил мост и подходы. Значит, ему тоже идти. В оставшееся до темноты время Ольхов вместе с Петром Шевченко, пройдя с километр вдоль речки, внимательно осмотрели мост, укрепления, нанесли на карту огневые точки.

– Лишь бы на мины не нарваться, – высказал опасение капитан. – Накроется вся наша затея.

– Фрицы свободно расхаживают, – ответил сапер. – На том берегу вряд ли они мины ставили. А с нашей стороны по обочинам дороги очень могут быть. Поэтому они и разведку близко не подпускали. Мины-то в основном против танков. Им не надо, чтобы вместо танков бронетранспортер на мину налетел. Слишком мелкая добыча.

Переpravлялись на трофейной резиновой лодке, рассчитанной на пять человек. Ночь выдалась темная, поднялся легкий, но холодный ветер. Весеннее половодье еще не началось, но и тридцати метров ширины речки хватило, чтобы хорошо черпануть воды, вымокнуть, а у правого берега наткнулись на острые ледяные пластины, которые едва не пропороли лодку.

Двадцать пять человек переправили в несколько заходов довольно быстро. Над мостом, в километре отсюда, изредка взлетали ракеты. Охрана давала понять, что не спит. Но ракетами не увлекались, чтобы не слишком выставляться. Здесь пока еще тыл.

Свою команду Ольхов заранее разделил на несколько групп. Для каждой – свой объект. Капитан шагал, слыша напряженное дыхание людей. Их могла подстеречь любая неожиданность. Больше всего опасались мин. Хотя разведчики убедились, что левый берег не заминирован, там свободно ходили патрули.

Глухое место, небольшая речка, проселочная дорога. Но ведь именно этим маршрутом направили штурмовую группу с бронетехникой, численностью едва не с батальон. А следом пойдут основные силы дивизии приданного ей танкового полка, а может, и всего механизированного корпуса.

На несколько минут остановились, не доходя сотни метров до моста. Здесь были деревья, кусты, еще по-зимнему голые, но хоть какое-то укрытие. Взлетевшая ракета на секунды осветила лицо младшего лейтенанта Шевченко с носом-нашлепкой и оспинами на лбу.

В первую очередь предстояло уничтожить блиндаж, в котором находился командный пункт, рация и куда наверняка тянулись провода от зарядов взрывчатки, заложенных под мостом.

Послышались шаги часового, и все замерли. Немец постоял, вслушиваясь в шум ветра и плеск мелких волн. Один из разведчиков скользнул бесшумной тенью в сторону шагов. Все напряженно ожидали. Короткая возня, приглушенный звук человеческого голоса. Часовой, видимо, пытался крикнуть, но не успел. Вернулся разведчик и доложил:

– Чисто. Там, за блиндажом, зенитная установка. Кто-то дежурит.

– Пошли, – выдохнул Ольхов, понимая, что дальше без шума уже не обойдется. Дежурят не только у зенитки, но и на командном пункте, и возле пушек, и в танке, укрытом в капонире поодаль.

Двадцать пять человек быстро растекались, приближаясь к своим объектам. Ординарец Ольхова Николай Антюфеев, обогнав остальных, рванул дверь командирского блиндажа и сразу открыл огонь. Автомат «ППШ» бился в его руках. Сквозь отверстия в кожухе вырывались рваные языки пламени. В блиндаже кто-то вскрикнул, опрокинулся тяжелый предмет, звенело разбитое стекло.

Когда ворвались внутрь, при свете аккумуляторной лампочки, висевшей под потолком, увидели лежавшее рядом с опрокинутой табуреткой тело радиста. Рация на столе дымилась и мелко искрила. Возле лежанки ворочался еще один немец, пытался подняться.

Распахнулась дверь в другую часть блиндажа. Из неширокой щели брызнули вспышки автоматной очереди. Разведчик, из молодых, кинувшийся к двери, упал, перегородив проход.

Ольхов стрелял короткими очередями из своего легкого «ППС». Снова открыл огонь Антюфеев, посылая остатки диска сквозь дверь. Во второй половине блиндажа обнаружили убитого офицера. Фельдфебель, выронив автомат, стоял на коленях, прижимая руки к животу.

– Не стреляйте...

В конце войны немцы дрались как всегда отчаянно, но уже выучили русские слова, которые могли им понадобиться.

– Где рубильник? – обшаривая помещение лучом фонарика, отрывисто спросил Петр Шевченко.

За годы войны сапер тоже выучил несколько десятков необходимых в его работе немецких слов. Но фельдфебель стоял на коленях, раскачиваясь, не в силах произнести что-то еще. Из рта тянулась струйка крови.

– Да вот он, – показывая на металлическую коробку на стене, сказал сержант Антюфеев.

Шевченко отщелкнул крышку, с полминуты всматривался в разноцветные провода и клеммы.

– Где-то должен быть дублирующий рубильник, – пробормотал он.

– Ладно, разбирайся, – кивнул ему капитан и выскочил вместе с ординарцем наружу.

На пяточке возле моста шел бой.

Здесь находились еще два блиндажа. Один забросали гранатами, со вторым так просто не получилось. Немецкий лейтенант, обходивший ночные посты, увидел русского солдата с гранатой в руке. Он уже взялся за ручку блиндажной двери, негромко хлопнул запал, но лейтенант, с его острым зрением восемнадцатилетнего стрелка-спортсмена, опередил русского.

Лейтенант был вооружен новым автоматом «МП-43» с усиленным патроном. Короткая очередь свалила гранатометчика, а офицер отпрянул в сторону, спасаясь от осколков.

«Лимонка», которую не успел бросить русский, взорвалась рядом с ним. Сноп осколков изрешетил неподвижное тело и ранил другого русского солдата, вынырнувшего из темноты. Лейтенант почти не имел боевого опыта и лишь месяц назад окончил краткосрочные офицерские курсы.

Он отлично стрелял еще с детства и, вскинув автомат, послал очередь. Раненый русский успел отпрянуть, а лейтенант сделал непростительную ошибку. Продолжал стоять на открытой со всех сторон площадке, защищая блиндаж, из которого выскакивали полуодетые артиллеристы.

– Быстрее, быстрее, – торопил он солдат. – Русские в тылу!

Капитан Ольхов разглядел при свете взлетевшей ракеты спортивно сложенного немецкого офицера. В камуфляжной, туго затянутой теплой куртке, он настороженно замер с длинноствольным автоматом у плеча. У человека, наверное, есть предчувствие смерти. В тот момент, когда Василий Ольхов нажимал на спуск, восемнадцатилетний мальчик-фашист оглянулся.

Лейтенант оттачивал свое стрелковое мастерство не только на полигоне. Будущих защитников священных границ Рейха учили уверенно посылать пули в затылки евреям, полякам, русским и другим заключенным в концлагерях.

Он не ожидал, что в лагерях так много заключенных. Их требовалось уничтожить до прихода Красной Армии, если она все же прорвется. Эти истощенные до предела люди, больше похожие на скелеты, обтянутые кожей, вряд ли представляли какую-либо опасность.

Но приказы не обсуждались. Кроме того, это входило в программу учебного процесса наравне с умением атаковать и обороняться, стрелять из «фаустпатронов» и давало ясно понять, что приход русских – смерть для народа Германии.

Лейтенант, а тогда еще кадет, ходил по узкой дорожке надо рвом, где лежала груда мертвых и еще шевелящихся тел, а уставшие от непрерывного убийства эсэсовцы показывали парню цель:

– Всади пару очередей вон в тот угол. Там еще шевелятся.

Запыхавшийся кадет возвращался с пустым автоматом:

– Патроны кончились. Надо бы еще...

– Ладно, хватит. Их все равно сожгут.

Своих собратьев сжигали сами заключенные, и жирный черный дым поднимался к небу, донося запах горелого мяса. Некоторых тошнило, но спортсмен был выносливым парнем и умел держать себя в руках.

Почему именно этот ров промелькнул перед глазами в последние секунды жизни? Неправда, его жизнь никогда не кончится! А русский офицер с автоматом исчезнет, как жуткое видение.

Лейтенант ахнул, испытывая жуткий, неведомый до этого страх неотвратимой смерти еще до того, как пули вырвались из ствола вражеского автомата. Очередь вошла точно в грудь. Колени подломились, и лейтенант свалился под ноги выбежавшим из блиндажа солдатам, которых тоже ждала такая же участь.

Артиллеристы успели схватить свои карабины, но времени воспользоваться оружием уже не осталось. Их расстреливали из автоматов на площадке перед блиндажом, и они падали один за другим. Кто-то метнулся назад, в открытые двери. Взрывы гранат добили их внутри блиндажа.

Не ожидавшие ночного нападения, артиллеристы сумели огрызнуться в ответ. Наиболее опытные, понимая, что нет времени одеться, выскакивали босые, в одном белье, но успевали загнать обойму в карабин и сделать несколько выстрелов.

Раненый унтер-офицер, побывавший в подобных переделках под Брянском и в Белоруссии, метнул две гранаты. Они не спасли его и товарищей по батарее, однако один разведчик был убит, другой ранен.

Взрывы оглушили нападавших. Возникла минутная пауза, но немецкие артиллеристы не сумели ею воспользоваться. Кинуться на красноармейцев помешала растерянность. Бестолковая стрельба в темноту ничего не дала.

А через полминуты снова заработали русские автоматы с емкими круглыми дисками. Одна из очередей угодила в живот унтер-офицеру, оставив его умирать возле расщепленной взрывами двери блиндажа.

Упрятанный в капонир «тигр» находился на возвышенности. Попытка взорвать его трофейным «фаустпатроном» не удалась. Красноармеец выстрелил с расстояния семидесяти метров и промахнулся. Огненная стрела пропахала бруствер. Теряя силу ударилась о толстую броню и рассыпалась роем сверкающих искр, оставив на ней лишь мелкие вмятины.

Пехотный лейтенант, входивший в ночную штурмовую команду, неплохо владел «фаустпатронами» и неделю назад взорвал точным выстрелом тяжелую немецкую самоходку. Он

выругался в сторону поторопившегося подчиненного и поднял прицельную рамку «фаустпатрона», готовясь нажать на спуск.

Его опередил наводчик «тигра». Электромотор с легким жужжанием провернул плоскую башню на шестьдесят градусов за десять секунд. Яркие фары ослепили лейтенанта. Бьющий в глаза свет и вспышка были последним ощущением в жизни двадцатилетнего лейтенанта.

Он даже не почувствовал боли, когда трасса скорострельного пулемета прошла насквозь его тело. Он видел горящий танк, пламя било во все стороны, и лейтенант уходил в темноту с чувством победы. На самом деле это была вспышка «фаустпатрона», спуск которого он успел нажать последним усилием онемевших пальцев. Заряд прошел мимо цели.

– Уходим наверх, – приказал механику командир танка. – Нас обложили со всех сторон.

Но сделать это было не так просто. Машина весом шестьдесят тонн, с мощным, но порядком изношенным двигателем, с ревом месила коварную весеннюю землю. Она хорошо оттаяла за ночь (не раз прогревали мотор) и тормозила движение широких гусениц.

Пехотинец из роты погибшего лейтенанта и сапер лежали, вжавшись в ломкую, подмерзшую за ночь траву. У обоих имелись противотанковые гранаты, и оба знали, что когда танк выползет наружу, три его пулемета прикончат их. Оставалось либо бежать от опасности, либо кидаться навстречу ей.

Гранаты РПГ-6 нового образца, способные прожечь двенадцать сантиметров брони, весили более килограмма. Оба бойца были опытными и крепкими парнями. Они хорошо знали: чтобы попасть гранатой в танк, требовалось приблизиться к нему на расстояние пятнадцати-двадцати шагов. Смертельно опасное расстояние для броска. Три пулемета «тигра» простреливают все пространство вокруг.

– Долбанем гадину? – скрывая напряжение и страх, выкрикнул пехотинец, который потопился и промахнулся из «фаустпатрона».

Из-за этого погиб взводный, решительный лейтенант, его земляк.

Сапер молча кивнул. Слова товарища заглушал рев огромной машины, рывками выполняющей из своего убежища. Они понимали, что шансов уйти живыми очень немного.

Надо пробежать полета метров, бросить гранаты, поразить цель и суметь уйти. Вряд ли им дадут это сделать. Но и не выполнить приказ Ольхова и погибшего лейтенанта было нельзя. «Тигр», с его мощным вооружением и толстой броней, выбравшись из капонира, наверняка переломит ход боя.

– Пошли! – крикнул сапер, поднимаясь с земли. – Раздолбаем гада, в гробину его мать!

Они бежали рядом. Сапер бросил гранату на бегу. РПГ не долетела до цели пяти шагов и яркой вспышкой зажгла траву.

– Сейчас я тебя, – бормотал он, доставая вторую гранату.

Командир танка, откинув люк, уже доворачивал в его сторону зенитный пулемет. Целиться было несподручно, машина одолевала подъем из капонира, но со второй очереди, не жалея патронов, лейтенант-танкист прошил русского пучком пуль.

Пехотинец, забежавший с кормы, швырнул РПГ с десяти шагов. Граната ударилась в решетку трансмиссии, взорвалась, прожигая двигатель кумулятивной струей. Температура более тысячи градусов мгновенно воспламенила бензин, пульсирующий в моторе.

Немецкий лейтенант увидел русского гранатометчика, когда языки пламени уже облизывали башню. Дал торопливую очередь и крикнул, склоняясь в люк:

– Всем наружу! Иван нас поджег!

Но экипаж и без его команды уже выскакивал из заполненного дымом «тигра». Боезапас этого тяжелого танка составлял девяносто два снаряда. Боеукладки были набиты доверху. Когда снаряды рванут, да еще вспыхнут три сотни литров бензина, поблизости не останется ничего живого.

Лейтенант потерял несколько секунд, давая ненужную команду. Когда выпрямился, сноп огня хлестнул в лицо, сжигая кожу, заполняя гортань нестерпимым жаром. Он все же попытался выбраться, ему помогал наводчик.

К гудению пламени прибавился какой-то непонятный новый звук. Громко смеялся русский пехотинец, срывая из-за спины карабин.

Это не был радостный или победный смех. Скорее нервный хохот избежавшего гибели человека, который прошел полвойны и которого ждали дома жена, дети, мать.

Он стрелял навскидку, быстро передергивая затвор. Свалился механик-водитель, заряжающий. Стрелок-радист метнулся в темноту, а пехотинец, сбросив с брони третьим выстрелом наводчика, крикнул немецкому офицеру:

– А ты и сам подохнешь!

И тоже бросился в темноту, подальше от готовой взорваться машины. На секунду приостановился, убедившись, что его товарищ-сапер мертв, и побежал дальше.

Бой на правом берегу заканчивался. Ольхов четко распределил объекты, люди действовали умело. Взрыв танка заставил его обернуться.

И тут же новый, менее сильный взрыв заставил посмотреть в сторону моста. Саперы не сумели до конца обезвредить электрическую цепь. Взорвался один из зарядов, перекосив часть моста на правом берегу.

– Петро! Шевченко, бегом сюда!

– Подпортили мост, – сказал подбежавший сапер. – Но не сильно.

На другом берегу слышались взрывы и пулеметные очереди. Там тоже шел бой.

Командир разведки Савелий Грач приказал двигаться впереди двум «тридцатьчетверкам» с десантом на броне. Третий танк оставил в резерве. Местность вокруг, по существу, оставалась пока ничейной, можно было ожидать удара с любой стороны.

– Борис, только не зарывайся, – предупредил он старшего лейтенанта Антипова. – Уничтожить дот, перепаша снарядами траншею. Но к мосту двинешь следом за саперами и десанниками. Иначе на мину нарвешься или «фаустпатрон» словишь. На обочинах дороги тоже могут быть мины.

Излишне навязчивый, по мнению Антипова, инструктаж вызывал раздражение. Он считал себя опытным танкистом. Неплохо воевал на Курской дуге. Получил после взятия Белгорода медаль «За отвагу», а в боях за Киев вторую звездочку на погоны и орден.

После ранения стал командиром танкового взвода и даже временно исполнял обязанности командира танковой роты.

На новой должности Борис начинал неплохо, снова был награжден. Однако его подвела самоуверенность. Желая любыми способами выполнить полученный приказ, старший лейтенант Антипов повел роту в непродуманную атаку.

Даже отключил связь с командованием, чтобы ему не мешали. Но лихой фланговый маневр провалился. Машины влетели на минное поле и застыли с разорванными гусеницами. Антипова судьба хранила, хотя он шел впереди.

Пока выбирались и пытались вытащить поврежденные танки, угодили под обстрел двух «тигров». Они вели огонь из укрытий с расстояния полутора километров. «Тридцатьчетверки» стояли с разорванными гусеницами и выбитыми колесами. Но их вооружение было исправно, и экипажи не имели права покинуть свои машины.

Раскаленные бронебойные болванки, выпущенные со скоростью тысяча метров в секунду с легкостью прошивали броню, убивали, калечили танкистов. «Тридцатьчетверки» вспыхивали одна за другой. Экипажи погибали почти полностью. На исходные позиции вернулись лишь два танка из девяти (рота была неполная).

Командир полка, узнав о гибели семи машин, в том числе четырех новых «Т-34-85», только что поступивших на вооружение, сгоряча едва не разжаловал слишком резвого командира до сержанта.

Как ни странно, Антипова спас политотдел. Посчитали ненужным поднимать шум. Ведь дивизия и танковый полк наносили один из знаменитых «десяти сталинских ударов», который закончился очередной победой.

Непродуманные действия молодого командира и гибель роты преподнесли как героический порыв советских танкистов. Да и не было принято в Красной Армии наказывать командиров за потери. Это к концу войны начали иногда беречь людей.

А Борису Антипову погрозили пальцем и оставили во главе взвода. О роте мечтать не приходилось. Но с тех пор уже прошло время. Старший лейтенант неплохо проявил себя в других боях и добился включения его взвода в штурмовую группу, надеясь восстановить авторитет. Тем более командир полка был новый и относился к энергичному взводному неплохо.

Дот на левом берегу оказался крепким орешком. Приблизиться для точного выстрела в амбразуру не давали реактивные противотанковые ружья. Двухкилограммовые мины с шипением ударялись о землю, сжигая траву кумулятивной струей, способной пробить усиленную лобовую броню «тридцатьчетверок».

Пехота не могла подняться из-за сильного пулеметного огня. Судя по всему мост и речка имели для врага важное значение. Осколочно-фугасными снарядами танкисты выбивали расчеты противотанковых ружей, затем взялись за дот.

Стреляли в темноте, при свете ракет. Их бегущий, неровный свет мешал попасть в амбразуру. Бетонные стены снаряды калибра 85 миллиметров не брали.

Включили фары, но их расколотили пулеметным и автоматным огнем. За это короткое время Борис Антипов, сев за прицеп, вышиб двумя снарядами заслонку и разбил тяжелый пулемет.

Пехота бросилась вперед, но вскоре залегла. Из окопов, вырытых в береговом откосе, вели сильную стрельбу. На другом берегу группа из двадцати пяти человек во главе с капитаном Ольховым вела бой с основной обороной моста.

Наверняка ребятам пришлось туго, и они ожидали подмоги. Антипов видел, как выползал из капонира «тигр». Вспыхнул, а затем взорвался, осветив все вокруг горящим бензином.

Пехота жгла «тигры», а его «тридцатьчетверки» с мощными пушками бездействуют! Вперед! Возможно, и другой танкист на месте старшего лейтенанта поступил бы так же, несмотря на предостережения командира разведки. Оба танка приблизились к мосту, расстреливая окопы, вырытые в берег.

Поднялась и бросилась вперед пехота. Но защитники береговой полосы успели выпустить несколько «фаустпатронов». Старший лейтенант едва не застонал от досады. Машина его напарника горела, под выстрелами выпрыгивал экипаж. Кто-то из танкистов упал, а затем «тридцатьчетверка» взорвалась с таким же грохотом, как десятью минутами раньше разнесло тяжелый «тигр».

Приближалась остальная группа. Десантники уже сбрасывали в воду и добивали последних защитников левого берега. Борис приказал механику-водителю:

— Давай на мост. Поможем нашим на том берегу.

Новый взрыв приподнял край моста, расколол часть настила из массивных бревен и досок. Один край повис над речкой. Путь вперед был перекрыт.

Медленно подступал холодный весенний рассвет. Василий Ольхов вместе с саперами осматривали поврежденный взрывом мост. Повезло, что сработал лишь один из четырех зарядов взрывчатки.

Командир саперного взвода Петр Шевченко, утопая по колено в грязи, проверял с помощником на прочность массивные опоры из металлических швеллеров и толстых бревен.

Бревна частично расщепило, некоторые треснули. Зато уцелели почти все швеллеры, и мост можно было восстановить своими силами. Пехота, мотоциклы, перебрались на правый берег. Саперы вместе с выделенным взводом пехоты спешно начали работу.

Пятачок на правом берегу, где происходил ночной бой, еще дымился – догорали два взорванных блиндажа, развороченные обломки «тигра». Глубокая воронка осталась на месте склада боеприпасов.

Гарнизон, отчаянно защищавший мост, был в основном уничтожен. Часть немецких солдат, пользуясь темнотой, отступили. Или, точнее, убежали, хотя знали, что за сдачу моста могут угодить под суд. Отходя, успели взорвать оба миномета. Уцелела противотанковая пушка калибра 75 миллиметров. Ее сразу же развернули в другую сторону так как своя оружейная защита оставалась пока на левом берегу.

Ольхов бегло осмотрел место боя. В разных местах, в том числе у кромки воды под обрывом, лежали десятка два убитых немецких солдат и два офицера.

Капитан остановился над пулеметным окопом. Возле искореженного «МГ-42» лежали двое мертвых парней, почти мальчишек, лет по семнадцать. Дно окопа было засыпано слоем блестящих гильз. Оба сражались до последнего, хотя трудно было понять, куда они выпустили в темноте три или четыре ленты.

– Глянь документы, – кивнул парторгу Ольхов. – Сколько им годков.

Лейтенант Малкин, морщась от прикосновения к застывшим трупам, достал солдатские книжки, еще какие-то бумаги, бегло просмотрел их.

– Обоим по семнадцать.

– Фольксштурм?

– Нет. Регулярные войска, особый охранный полк вермахта.

– Ты глянь, – покачал головой Савелий Грач. – Особые полки из сопляков формируют.

– Мало ли у нас в семнадцать лет на фронт брали, – отозвался капитан. – Добровольцы. По крайней мере, так в документах писали. До сорок пятого никто не дожил.

– А вооружают их неплохо. Хотя и чем попало. – Ольхов повертел в руках чешский автомат. – Хорошая прицельная дальность и магазин на сорок патронов. И пулемет у этой парочки самый современный, не дали им вволю настреляться.

В окопах валялись также длинноствольные австрийские винтовки, старые автоматы «Шмайссер», сработанные еще во времена Первой мировой войны, и наскоро склепанные автоматы «Потсдам» с металлическими прикладами.

В каждом окопе находились «фаустпатроны» и кумулятивные противотанковые гранаты. Они могли бы дать хороший отпор, если бы не внезапный ночной удар.

В других местах лежали еще несколько молодых солдат такого же возраста. На артиллерийских позициях остались тела пожилых, по военным меркам, солдат и унтер-офицеров, лет под сорок.

– Остатки населения Гитлер выскребает, – удовлетворенно заметил Малкин, – Некому воевать.

– Но дрались неплохо, – возразил Ольхов.

Собирали своих погибших. Их оказалось шестнадцать человек. Более двух десятков были ранены. В основном тяжело: когда сражаются в ближнем бою, стреляют друг в друга в упор, идут в ход ножи и штыки.

Фельдшер Злотников Ульянов, воевавший с немцами еще в прошлую войну, доложил, что раненым оказана первая помощь, но их надо срочно эвакуировать.

– У некоторых по два-три пулевых ранения. У других множественные осколочные. Требуется хирург, иначе кровью истекут или заражение пойдет.

– «ЗИС-5» хватит? – спросил Ольхов.

– Впритирку. Почти все лежачие. Есть которые безнадежные. Дай бог, чтобы до санбата дотянули. Смотреть на ребят – сердце сжимается.

Кузов трехтонного грузовика «ЗИС-5» застелили трофейными одеялами, шинелями, осторожно положили раненых и отправили в тыл в сопровождении двух легкораненых вооруженных бойцов.

Саперы, торопясь, приводили в порядок мост. Вскоре по нему осторожно прошли два «студебеккера», десятитонные самоходки «СУ-76» и малым ходом обе «тридцатьчетверки».

Ольхов доложил в штаб дивизии результаты ночного боя и что частично поврежденный мост восстановлен.

– Наши «коробочки» держит. Оставлю прикрытие из легкораненых и двигаюсь дальше, согласно маршрута.

– Медленно двигаешься, – раздался в трубке голос комдива. – Вторые сутки идут, а ты полета верст одолел.

– Семьдесят, – поправил полковника Василий Ольхов. – Быстрее не получается.

– Большие коробочки по твоему мосту пройдут?

Комдив имел в виду тяжелые самоходно-артиллерийские установки весом сорок шесть тонн и танки «ИС-2».

– Должны пройти.

– Должны... ладно, не тани время. Двигай вперед. До связи.

Но двигать вперед так сразу Ольхов не мог. Следовало похоронить погибших, покормить людей, привести в порядок технику.

Невзрачная сонная речка Пиница, приток восьмисоткилометровой Варты, являлась довольно серьезным препятствием для войск,двигающихся на Берлин. Илистые топкие берега затрудняли переправу. Да и не в каждом месте можно было подтянуть технику и людей по раскисшей весенней земле и навести даже простой понтонный мост.

Речка рассматривалась как один из рубежей (пусть второстепенных) на пути к Берлину. Понтонные мосты уничтожались с воздуха скоростными штурмовиками «Фокке-вульф-190», которые кроме пушек и пулеметов несли по тысяче килограммов бомб.

Захват моста обошелся группе капитана Ольхова более чем в сорок убитых и раненых бойцов и командиров. Ощутимые потери для его небольшого подразделения.

Но капитан отлично понимал, что если дивизия провела бы атаку с ходу всей массой людей и бронетехники, то узел обороны огрызнулся бы куда сильнее. Непростой узелок: тяжелый «тигр», две пушки, зенитка, минометы, противотанковые ружья «панцершрек», «фауст-патроны».

И боеприпасов было заготовлено столько, что пламя и столб земли из взорванного склада поднялись метров на сто. Да и мост успели бы взорвать, а для постройки нового потребовалось бы не менее суток. При условии, что его не разбомбили бы «Фокке-вульфы» с ближайшего аэродрома.

Теперь дивизия и приданные ей танки могли идти вперед без задержки, не скапливаясь перед водной преградой легко уязвимой массой. А какие потери несут в подобных ситуациях войска, Василий Ольхов уже нагляделся.

Пока все идет относительно нормально. А что дальше – видно будет.

Колонна шла по тому же проселку, засыпанному гравием. Где-то впереди он пересекался с шоссе, но сколько до него осталось, никто не знал. На картах, которые имелись у Ольхова и начальника разведки Савелия Грача, ни мост, ни проселок обозначены не были.

Шоссейная дорога, идущая через города Лансберг, Кюстрин и дальше на Берлин, штурмовой группе была не нужна. Там двигались другие войска. По-прежнему впереди шли

мотоциклы и бронетранспортер лейтенанта Грача. Их сопровождали две легкие самоходки «СУ-76».

Эти открытые сверху машины имели слабое бронирование, но отличались маневренностью, небольшими размерами и несли сильные пушки «ЗИС-3». Они были способны дать отпор в случае внезапного нападения.

Пехотная рота, усиленная взводом автоматчиков, разместилась на броне танков и самоходок. Часть людей ехали на двух «студебеккерах».

Яков Малкин находился в одном бронетранспортере с Василием Ольховым. Лейтенант был призван в армию с третьего курса университета, прошел военную подготовку и с полгода служил в политотделе дивизии. В штурмовую группу Ольхова он напросился сам.

Война подходила к концу. После победы было бы обидно слышать язвительные намеки, что он просидел все это время в штабе. Правда, как в любом штабе, своих работников не обижали. Яков успел даже получить медаль «За боевые заслуги» после успешного завершения Львовско-Сандомирской операции, хотя никакого отношения к ней не имел.

Перепопсанный тугой португеей поверх шинели, с автоматом, кобурой, полевой сумкой, он выглядел вполне бывалым командиром. Хотел даже поменять свой «ППШ» на трофейный «МП-40», но Василий Ольхов сухо заметил:

– Не надо. «ППШ» дальнбойнее и точнее немецких автоматов. Кроме того, в бою вы можете словить гранату от своих. Швырнут сгоряча на треск чужого автомата. Ненужный риск.

– А почему разведчики сплошь трофейное оружие носят?

– Спросите у них сами, Яков Григорьевич.

Но задавать вопросы долговязому, острому на язык Савелию Грачу инструктор политотдела не рисковал. Кажется, тот недолюбливал политработников.

Да и весь его вид – бушлат, шапка-кубанка, нож на поясе придавали начальнику разведки какой-то полупартизанский, расхристаный вид. Говорили, что в ночном бою лейтенант убил пять или шесть немцев, кого-то из них своим ножом. Спросишь у такого – нарвешься на грубость.

Кроме того, лейтенанта задевало, что Ольхов, простой в обращении со всеми, упорно обращался к Малкину на «вы». Словно подчеркивал, что он из другой команды.

А ведь лейтенант добровольно пошел в штурмовую группу, когда там понадобился переводчик и политработник. И вчера искренне просил капитана взять его в ночную операцию, хотя знал, насколько она опасна. Ольхов просто отмахнулся, а сейчас, сидя рядом, словно игнорировал парторга.

Не спросил даже, как он чувствовал себя в первом своем бою, когда на рассвете шел вместе с другими в атаку и расстрелял целый диск. Правда, держался немного позади, но, как и другие, рисковал жизнью. А ведь в атаку никто его не гнал. Парторг мог сам выбирать свое место в бою. Переждал бы атаку, перекуривая с водителями «студебеккеров», и никто бы ничего не сказал.

Сегодня утром впервые на его глазах убили человека. Боец, бежавший впереди, вдруг взмахнул руками, из спины брызнули кровавые клочки, и он замертво свалился на траву в десяти шагах от Малкина. Яков успел залечь. Эта пулеметная очередь могла вполне срезать и его.

Капитан Ольхов, не обращая внимания на Малкина, о чем-то шутил со снайпером Михаилом Маневичем, который постоянно находился в командирской машине. В разговор встречал ординарец Николай Антюфеев, хотя, как и Маневич, он был всего лишь сержантом и не соблюдал никакой субординации. Впрочем, ординарец относился к Малкину вполне доброжелательно и даже слегка опекал его.

Колонна по-прежнему шла по гравийному проселку. Где-то вдалеке гроыхали приглушенные орудийные раскаты, раза два высоко в небе проплыли, натужно гудя, наши бомбардировщики.

– «ТУ-2», мощные штуки, – сразу определил Антюфеев. – По четыре тонны бомб несут, и скорость хорошая.

Тяжелые машины охраняли истребители. Юркие скоростные «Яки» порой спускались довольно низко, им махали касками и шапками.

– На Берлин идут, – заявил ординарец. – Говорят, от него одни развалины остались.

В остальном война не слишком напоминала о себе. Будь Малкин поопытнее, он бы определил, что местность вокруг них называется на языке военных «слоеный пирог». По этой дороге отступали немецкие войска, уходили на запад беженцы, прошли наши передовые танковые части.

Но оборонительные бои, которые упорно вели немцы, шли в основном вокруг крупных городов, железнодорожных станций, автомагистралей. Именно там наши танки взламывали узлы обороны.

Здесь же, на забытом Богом проселке, остались лишь следы отступления и торопливого исхода немецких беженцев. Их гнала и пропаганда Геббельса о зверствах большевистских орд, и вполне объяснимый страх за собственную жизнь. К концу войны граждане Германии вдруг прозрели.

Узнали о существовании концентрационных лагерей, где массово уничтожались тысячи (в миллионы верить не желали) евреев, русских, поляков. Вертелись на языке слова «Освенцим», «Дахау», а эсэсовцы, эти рослые красивые парни, элита армии, по слухам специализировались на карательных акциях и расстрелах.

По обочинам дороги валялись сломанные повозки, брошенные автомашины, домашняя утварь. Кое-где виднелись воронки от бомб и снарядов. Невольно провожали глазами могильные бугорки. Некоторые с крестами, другие со звездами, а большинство просто оплывшие от дождей еле заметные холмики.

Видели следы боя. Несколько обугленных «тридцатьчетверок», сгоревший «студебеккер» и братскую могилу. Немецкие траншеи были перепаханы снарядами и гусеницами танков. В капонирах разглядели искореженные пушки, тела убитых немецких артиллеристов.

Немного подальше, на обочине, застыли сгоревшие грузовики, несколько тяжелых гусеничных тягачей «фамо». Здесь трупов было больше. Часть сбросили в кювет, некоторые были сплющены колесами.

Когда медленно проезжали мимо (дорога была сплошь изрыта воронками), в нос ударил острый трупный запах. Лейтенант Малкин удивился, почему так сильно пахнет. Погода держится холодная, снег лишь недавно растаял.

– Нормальный запах, – втянул воздух широким носом белорус Миша Маневич, у которого в оккупации погибла почти вся родня. – Даже приятный. А воняют они так, товарищ лейтенант, потому, что жрут много. Всю Европу обожрали, а сейчас лопаются.

И сплюнул, целясь в разутый труп немецкого артиллериста. А Малкин спросил у Ольхова:

– Здесь ведь наши танки уже путь проложили. С кем после них воевать?

Прозвучало с долей гордости. Наши танки они такие, всё сметают на пути, и штурмовой группе вроде делать нечего.

– Прошли наши танки, – согласился капитан. – Но наступление идет широким фронтом. У них свой маршрут, и переправлялись они в другом месте. А мы, Яша, свой мост с боем брали, сорок человек потеряли. У нас своя задача.

Политработник понимающе кивнул. Ольхов, с его авторитетом, опытом и орденами, разговаривал с лейтенантом как с равным, по-дружески. Это Малкину понравилось, и он решил, что капитан Ольхов – мужик неплохой, не кичится заслугами и своим положением.

Между тем дорога раздваивалась. Куда ехать дальше, было непонятно.

В километре виднелся фольварк, каменный дом, хозяйственные постройки, яблоневый сад. Колонна остановилась. Стволы пушек настороженно смотрели на постройки, деревья. Хорошее место для засады.

Разведчики – мотоциклисты, успевшие объехать фольварк вокруг, махали руками.

– Пусто. Двое каких-то гражданских и больше никого.

Это были смотрители оставленной хозяевами фермы. Немец лет пятидесяти, с искалеченной беспалой рукой и его жена. Оба в аккуратной рабочей одежде. У женщины светло-русые волосы спрятаны под платок, она моложе мужа и держится рядом с ним, не отходя ни на шаг.

Старшина Тимофей Калинин доложил Ольхову, что в стойлах находятся коровы, обнатурен свиновод, а в погребах запасы копченого сала, консервированных овощей и много другого продовольствия.

– Я присмотрел боровка пудов на семь. Надо бы горячего сварить. Разрешите, товарищ капитан.

– Вам нужна расписка? – спросил Ольхов у смотрителя. – Мы возьмем часть продуктов и свинью, чтобы сварить горячее для солдат. Позже, в комендатуре, с вами расплатятся по установленной цене.

Яков Малкин перевел, а смотритель впервые за четверть часа общения заговорил на русском языке. С сильным акцентом, но довольно понятно.

– Берите, что найдете нужным, господин капитан. А расписку оставьте, я здесь не хозяин. Мне придется отчитываться.

В слове «отчитываться» прозвучало, что приход русских – явление временное, а хозяин рано или поздно обязательно вернется.

– Пальцы на войне потеряли?

– Так точно, господин капитан. Командир автомобильного взвода. Последнее звание – обер-фельдфебель.

– Успели побывать на Восточном фронте?

– Да. Я получил ранение летом сорок второго года под Ростовом.

Василий внимательно оглядел немца. Широкий в плечах, сухощавый. На правой руке от четырех пальцев остались лишь обрубки, но с хозяйством он справляется, видимо, неплохо. И держится вполне уверенно. В свое время был наверняка решительным командиром.

– Вы, кажется, хвалитесь, что участвовали во временной оккупации Ростова?

– Я ничего не оккупировал, а просто водил грузовик и командовал пятью другими машинами.

При этих словах жена крепко стиснула локоть мужа и заискивающе улыбнулась Ольхову.

– Пауль был всего лишь шофером. Под Москвой отморозил ноги, а в сорок втором получил тяжелое ранение, началась гангрена. Он три месяца пролежал в госпитале.

– Фри месяца – какое горе! Под Ростовом расстреляли двенадцать тысяч евреев, а в концлагерях погибли сорок тысяч советских военнопленных.

Это горячо и возмущенно проговорил лейтенант Малкин. Его розовое лицо пошло пятнами, а голос срывался.

– Пауль об этом не знал, – странно улыбаясь, сказал Ольхов. – И вы не знали, что в концлагерях убивают тысячи людей. Так ведь?

– Так. Эсэсовцы делали свои дела скрытно, – растерянно отозвалась женщина.

Было заметно, что смотритель занервничал, потянул из кармана сигареты, стал прикуривать.

– Встать, как положено, если хвалишься, что ты солдат и воевал против нас, – негромко приказал капитан. – Вам известно, что каждого немецкого военнослужащего проверяют на причастность к массовым убийствам мирных граждан на оккупированной территории?

– Я не участвовал в убийствах.

– Только возил наших ребят на расстрел, – неожиданно вмешался Савелий Грач. – Возил, сученок?

– Нет... клянусь.

– Самое справедливое – шлепнуть тебя, пса беспалого. Взводом он командовал, Ростов брал. Герой Рейха!

Атмосфера накалилась. Смотритель, который, несомненно, был смелым человеком, понял, что перешагнул черту. Он хотел сохранить достоинство перед людьми, каждый из которых потерял брата или отца. Их жилье сгорело, и пришли они, наполненные ненавистью.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но Ольхов взял себя в руки и коротко приказал:

– Тщательно обыскать все постройки. Особенно чердаки и подвалы.

– Посторонних на ферме нет, – заверил смотритель.

– А оружие?

– Только охотничья двустволка и полсотни патронов к ней. Охрана от мародеров.

– Сдайте ее старшине.

Вместе с Савелием Грачом и Яковым Малкиным осмотрели поместье. Поражали чистота и порядок, которые поддерживались даже в это беспокойное время. Крупные породистые коровы стояли в теплых стойлах возле автопоилок и бункеров с сеном.

В подвале, куда их привел смотритель, на подставках находились дубовые бочки разной величины. Бывший фельдфебель показал на одну из них.

– Здесь вино урожая девятьсот двадцатого года. Я собирался переливать его в бутылки. Попробуйте, отличное белое вино.

Выпили по кружке. Пауль снова наполнил и предложил:

– Давайте выпьем за мир.

– Давайте за мир, – усмехнулся Василий Ольхов. – За что же еще пить, когда мы уже в Германии.

Ночевали в фольварке, хорошо поужинав. Малкин старался не налегать на спиртное, но не рассчитал силы. Выдержанное, крепкое вино ударило в голову. Он стучал себя кулаком в грудь и убеждал Ольхова, что в бою не подведет.

– Конечно, не подведешь, – соглашался добродушный сапер Петр Петрович Шевченко. – Тебе выспаться надо.

– Я посты должен проверить.

– Сегодня Грач дежурит. Он и проверит.

Этот и последующий день прошли спокойно. Но дороги Германии в апреле сорок пятого года были не самым спокойным местом на земле.

Глава 2. Вперед, на запад!

Катили по неширокой шоссейной дороге. По обеим сторонам тянулись ряды деревьев. Вязы, клены сменялись соснами, во многих местах росли яблони, аккуратно постриженные и побеленные снизу свежей известью.

– Глянь, яблони свободно растут, – удивлялся Иван Шугаев. – У нас мальчишки яблоки бы еще зелеными ободрали.

– Хоть и сволочная нация, а культурная в своем доме, – рассуждал ординарец Антюфеев. – Кругом порядок.

– Зато в лагерях людей несчитано угробили, – со злостью проговорил снайпер Маневич. – У нас в Белоруссии сколько деревень пожгли... вместе с жителями.

В боях поднималась злость. К сорок пятому году не оставалось ни одной семьи, где бы не потеряли близкого человека. А в большинстве нескольких сразу.

Изредка попадались беженцы. Они торопливо отступали в сторону, некоторые кланялись, снимая шляпы или шапки с козырьками. Женщин и молодых девушек было среди них мало. При виде солдат отворачивались, прятались за спины мужчин.

– Боятся за свое хозяйство, – провожая их взглядом, сказал один из бойцов. – Ничего, мы еще до вас доберемся.

– Ты рот на замок не разевай, – осадил его сержант. – Приказ помнишь? За изнасилование – под трибунал. Шлепнут в момент.

– Можно и по-доброму договориться.

– На пальцах, что ли?

– На ощупь, – вставил кто-то из остряков.

Остальные засмеялись. Четвертый год война идет, одичали мужики без женщин. Проблемы еще будут.

В довольно быстром темпе отмахали более ста километров. Стрельба по сторонам усиливалась. Прошедшая ночь была озарена отблесками далекого пожара, темнота не наступала. Небо было багрового цвета и, несмотря на отсутствие облаков, звезд видно не было. Спали, а точнее, дремали, тревожно. Зловещий цвет неба навевал всякие мысли. Вот она, Германия, откуда пришло все зло, и хорошего здесь ждать нечего.

Однако ночь прошла почти спокойно, если не считать короткого обстрела из винтовок и автоматов, который велся из леса на расстоянии километра. Потерь не было. Уже перед рассветом Савелий Грач разбудил Ольхова и показал на темную массу,двигающуюся вдаль. Слышался звук моторов.

На запад прошла немецкая колонна: несколько бронетранспортеров и десятка два грузовых машин. Некоторые с пушками на прицепе.

Двигались они по мало наезженной дороге вдоль леса. Приближаться к шоссе немцы не рискнули, считая, что его оседлали советские войска. Не решились они напасть и на сравнительно небольшую группу Ольхова.

– Удирают фрицы без оглядки, – рассуждал кто-то из молодых солдат. – Как мыши в темноте прошуршали и исчезли. Это вам, гады, не сорок второй год.

– Может, здесь, и удирают, – сказал старшина Калинчук. – А через десяток километров остановятся и так из засады долбанут, что по-другому запоете. Расхрабрились!

Как и Ольхов, старшина трезво оценивал боеспособность немецких частей. На пороге своего дома они будут драться отчаянно.

– Поздно им долбать, – отмахивались от старшины. – Только и остается что удирать без оглядки.

В общем, настроение большинства бойцов было бодрое. Война идет к концу, до Берлина всего ничего осталось. Кормежка сытная. На завтрак повара сварили кашу со свиной. Запивали ее компотом из банок, прихваченных на ферме.

Многие приложились к фляжкам с вином и яблочной водкой. Бывалые бойцы делали это незаметно и сильно не увлекались. Зато несколько молодых ребят хватанули изрядно. Громко и возбужденно что-то обсуждали, смеялись. Ольхов, насмотревшись за войну, к чему приводит пьянка, приказал командирам взводов лично проверить емкости и вылить спиртное.

Если ночью пить опасались в ожидании неожиданного нападения, то утром решили расслабиться.

– Как курят нас подавят, если с утра лакать начнем. Малкин, это твой вопрос как политработника.

– Они меня не слушаются, – простодушно сообщил парторг.

– Бери за шиворот и веди ко мне, если сам не справляешься. Савелий тебе поможет. У него ручищи такие, что сразу по струнке вытянутся.

В принципе это была не такая уж проблема. Группа невелика, командиров достаточно, а бойцы все на виду. Долго копаться Ольхов не дал, и колонна снова вырулила на шоссе. Но проехали не больше двух десятков километров и уткнулись в хвост другой колонны.

От огорчения Василий выругался. Вот тебе и штурмовая группа! Их уже чей-то полк опередил. С досадой подумал, что надо было ехать и ночью. Однако картина, которую он увидел, показала, что ночная езда по незнакомым дорогам чревата немалыми опасностями.

Танковый батальон с десантом на броне выполнял роль такой же штурмовой группы, как и подразделения Ольхова. Только командир соседнего корпуса не поспешил и пустил впереди основных сил сразу два десятка танков и несколько тяжелых самоходок.

Нельзя сказать, что комбат мчался очертя голову. Впереди колонны двигался легкий танк «Т-70» с разведчиками на броне. Однако немцы нанесли удар умело и в удобном для них месте.

Шоссе здесь шло через низину. Дренажную трубу в основании дороги немцы закопали. Талая вода перехлестывала через асфальт. Разведывательный танк «Т-70» осторожно миновал затопленный участок, проехал еще с полкилометра и доложил, что дорога впереди свободна, противника не видно.

Комбат приказал продолжить движение колонны, и в этот момент рванули два мощных фугаса.

Фугасы – это не противотанковые мины, вес которых ограничен несколькими килограммами взрывчатки. В узкие ямы на обочине дороги закладывают толовые тики, головки гаубичных снарядов, мины, канистры с бензином или горючей жидкостью.

Один фугас взорвался в начале подъема и разнес «тридцатьчетверку». Кроме экипажа сразу погибли несколько десантников, шагавших следом. Через секунду сработал второй фугас. Он повредил пятую или шестую по счету машину и залил все вокруг горючей жидкостью, которая, шипя, горела даже на поверхности воды.

С криком разбежались, срывали горящие шинели и бушлаты десантники. Некоторые катались по земле, товарищи пытались им помочь, но липкая смесь прожигала одежду и руки. Кто-то бежал к воде и, утопая в грязи, горели на обочине.

Дальше началась мясорубка. На бугор выкатились штук семь немецких танков и штурмовых орудий. Крики заживо сгорающих людей потонули в грохоте взрывов.

Снаряды из длинноствольных пушек калибра 75 и 88 миллиметров за считанные минуты подожгли еще три танка. Остальные «тридцатьчетверки» отвечали беспорядочным огнем, уклоняясь от раскаленных болванок и искрящихся в пасмурном рассвете кумулятивных снарядов.

Батальон был смешанный. Новых «тридцатьчетверок» с орудиями калибра 85 миллиметров насчитывалось не более половины. Только эти пушки могли эффективно поражать врага за километр. Старые «трехдюймовки» прибавляли лишь шума.

Особенно старались две «пантеры» с их пятиметровыми орудиями и высокой точностью приборов. Танковый комбат, которого прочили в командиры полка, с отчаянием смотрел, как загорались все новые машины. Пехота наглухо залегла под откосом, многие прятались в ледяной воде, не замечая холода. Слишком плотным был оружейный огонь.

Горели, взрывались танки, снаряды ломали деревья, которые тоже вспыхивали от сильного жара. Батальон находился на грани истребления, когда майор-комбат вместе с двумя экипажами пошел в атаку.

На полной скорости, не обращая внимания на летевшие навстречу снаряды и угрозу завязнуть, три танка зашли с фланга и подожгли две немецкие машины.

Бронетанковая вражеская рота, видимо, имела приказ не ввязываться в затяжной бой, и спешно отступила. Тем более майор-комбат сумел подбить одну из «пантер».

Однако спустя десяток минут в небе появилась пара штурмовиков «Фокке-вульф-190», которые сбросили несколько тяжелых авиабомб. Мощные взрывы разнесли метров сто шоссе-сейной дороги. Поверх перепаханного гудрона, глубоких воронок хлынул поток талой воды, размывая песок, щебень и землю.

Напор через некоторое время ослаб, но перед штурмовой группой расстиралось озеро и превращенная в болото низина.

Все это рассказал Василию Ольхову майор – комбат года на два старше его.

– Везло до поры, – прикуривая очередную папиросу, с горечью жаловался он. – Ну и нарвался. Пять машин вдребезги, еще четыре повреждены.

Он искал сочувствия. На груди двадцативосьмилетнего майора позвякивали четыре ордена, виднелись три нашивки за ранения. Столько же нашивок было у капитана Ольхова, лишь орденов вдвое меньше. Но Василий испытывал сочувствие только к погибшим.

– Сколько людей потерял? – спросил он.

– Четыре экипажа. Некоторые сильные ожоги получили, смотреть страшно.

– А десантники?

– Что? – не сразу понял вопрос майор. – Да какая разница! Мой батальон угробился. На ходу всего девять машин остались, из них два легких «Т-70».

– Свои танки сосчитал, а десантники, пехота, получается, для тебя чужие. Вон их сколько лежат.

– Пошел ты! – огрызнулся комбат.

– Пойду. Мне здесь некогда ошиваться, – сплюнул Ольхов. – А вот тебя какой леший заставил в низине танки в кучу сбить? Передние скорость сбавили, задние им в корму пушками уткнулись.

Тягостную картину представляло место побоища. Среди воронок и вырванных с корнем деревьев стояли в воде или завалились на обочину сгоревшие и поврежденные танки. Часть из них пытались восстановить своими силами экипажи.

Несколько бойцов вытаскивали из воды мертвые тела своих товарищей. На сухом склоне рыли братскую могилу.

Ольхов еще раз окинул взглядом понурого комбата и зашагал к бронетранспортеру. Задерживаться здесь было опасно. Несмотря на превосходство нашей авиации, у немцев осталось еще достаточно самолетов, чтобы нанести крепкий удар по скоплению машин.

– Куда теперь? – растерянно спросил Малкин.

– Вперед, на Берлин, – дымя папиросой, отрывисто махнул рукой Савелий Грач. – У нас одна дорога, громить фашистского зверя. Так, что ли, на митингах политработники призывают?

- Они не только призывают, но и в бой идут.
- Извини, забыл. Ты же возле Пиницы тоже воевал. Наверное, пару фрицев уложил. Стрелял ты, Яша, много. Правда, издалека.
- Может, и уложил, – запальчиво выкрикнул лейтенант. – Ив атаку бежал вместе со всеми.
- Ладно, отстань, Савелий, от парня, – осадил Ольхов командира разведки. – В бою Яков участвовал, и подначивать его не надо. Воевал как мог. Не всем героями вроде тебя быть.
- Я не герой, – раздраженный бездарными действиями танкового комбата, не мог успокоиться Савелий Грач. – Герои в штабах сидят да батальонами командуют. А ты, Яша, у нас молодец. Учебу бросил, на фронт пошел, даже в штабе остаться не захотел.

Давно уже действовал приказ Гитлера, запрещавший всякое отступление. Сжатая вражеская оборона располагала большим количеством тяжелого вооружения, которое сравнительно легко перебрасывалось на самые горячие участки. По мере продвижения к Берлину сопротивление росло.

Официально обозначенная Берлинская наступательная операция начнется 16 апреля 1945 года. Но и бои на подступах к столице отличались упорством и ожесточенностью с обеих сторон. Стремясь затянуть войну и нанести максимальные потери Красной Армии, были заранее подготовлены оборонительные рубежи восточнее Берлина, где сосредоточилась мощная группировка немецких войск.

Местность благоприятствовала длительной обороне. Здесь протекали реки Одер, Нейсе, Шпрее. Дорогу преграждали их многочисленные притоки и каналы в междуречье Одера и Эльбы. К началу апреля на подступах к Берлину были созданы три мощные оборонительные линии.

Пока в Ставке Верховного главнокомандования решались вопросы взятия Берлина, на территории Германии не прекращалось наступление советских войск. Указатели на дорогах сообщали: до Берлина осталось 110 километров... 85... 60...

Армейские газеты выходили с заголовками «Раздавить фашистское логово!», а в Россию шли сообщения родственникам о гибели их сыновей и братьев. Нелегко давалось продвижение по этой трижды проклятой земле!

Василий Ольхов доложил по рации командиру дивизии, что вынужден свернуть с шоссе, и объяснил сложившуюся ситуацию.

– И далеко ты собираешься сворачивать? – спросил полковник. – Мы и так плетемся в хвосте.

Это было не совсем так. Дивизия, танковый полк, саперные подразделения продвигались в целом по плану. Сейчас этот план нарушался.

– Сообщу дополнительно через пару часов, – ответил капитан и передал трубку радисту.

Снял фуражку, подставляя лицо лучам выглянувшего из-за облаков солнца. В апреле погода меняется быстро. Совсем недавно на северных склонах лежал снег, а речка Пиница покрывалась ночью ледовым припоем. А сейчас бойцы снимали шинели и бушлаты.

– Весна...

– И солнце теплое, как у нас в России. Земля аж парит.

Отросшие волосы на голове капитана были светло-рыжего, соломенного цвета. На затылке, возле правого уха темным пятном выделялся шрам от осколка. Еще зимой кусочек металла пробил каску, шапку и застрял в кости. Три других осколка от разорвавшейся мины вошли в плечо и руку, уложив Василия на полтора месяца в госпиталь.

– Весь в отметины домой вернешься, – сказал сапер Петр Шевченко. – Не перепутаешь ни с кем.

– С кем меня путать? Нас три брата было, у всех волосы одного цвета. Двое погибли, один я остался, да сестренка в нашей сельской школе учителькой работает.

– А у меня отец как пропал осенью сорок первого, так ни слуху ни духу. Еще один брат на севере воюет. Тоже недавно ранен был. С матерью самый младший братеньник остался. Шестнадцать годков ему. Хоть бы он эту чертову войну избежал.

Колонна рассредоточилась в сосновом перелеске на склоне холма. От затопленной низины отмахали уже километров восемь, кое-как перебравшись через топкую глинистую речушку. У самоходки «СУ-76» сорвало гусеницу, ее натягивали общими силами. Заодно решили перекусить. Пока вскрывали консервные банки, резали хлеб, послышался необычный свистящий гул.

Два немецких самолета пронеслись на огромной скорости к затору, образовавшемуся на шоссе. Это были реактивные истребители – бомбардировщики «Мессершмит-262», обтекаемой, как у дельфинов, формы. К танковому батальону прибавилась еще какая-то воинская часть. Саперы спешно оборудовали перемычку, но дело продвигалось не слишком быстро.

Оба «мессера» сбросили несколько бомб, подняв на воздух обломки бревен, фонтан раскрошенного асфальта и земли. Затем самолеты развернулись и прошли вдоль дороги. Каждая из этих стремительных машин имела на вооружении, кроме авиабомб, по четыре 30-миллиметровые пушки.

Осколко-фугасные, бронебойные, кумулятивные снаряды обрушились пучками, разнося и зажигая автомашины, задымил один, второй танк. Экипажи торопливо тушили огонь. Против «тридцатьчетверок» небольшие снаряды весом 400 граммов были слабоваты. Зато на третьем заходе «мессеры» подожгли еще несколько автомашин и бензовоз.

Уйти безнаказанными истребителям не дали. Очередь крупнокалиберного пулемета прошла серый, змеино-голубого цвета корпус одного из «мессершмитов». Самолет клюнул носом, но скорости не потерял и ушел прочь вместе с напарником, ныряя вниз и снова выравнивая полет.

На дороге растекался горящий бензин, окутались клубами огня несколько «студебеккеров» и «виллисов» с пушками на прицепе. Детонируя, взрывались снаряды.

– Это называется только вперед, – покачал головой Савелий Грач. – Пора бы к концу войны научиться на рожон не лезть.

Остальные промолчали. Люди торопливо жевали хлеб с консервами. Расчеты зенитных пулеметов настороженно следили за небом.

– Ешьте по очереди, потом времени не будет, – сказал Василий Ольхов, – Вряд ли «мессеры» снова появятся. Сильная штука, но их у фрицев немного.

Опытный капитан Василий Николаевич Ольхов был прав лишь отчасти. Начиная с 1944 года промышленность Германии выпустила более тысячи реактивных боевых машин, значительно превосходящих наши самолеты по скорости.

Но тысяча машин – это не так и много в масштабах огромного фронта. К апрелю сорок пятого года, в воздушных боях теряя по несколько советских истребителей, чтобы сбить одного «Ме-262», большая часть реактивных самолетов была уничтожена.

Командиры перекусывали вместе, заодно обсуждая дальнейшие действия. Отложив банку с тушенкой, Василий закурил папиросу и проговорил, обращаясь к командиру танкового взвода Антипову:

– Видел, Борис, как танковый батальон накрылся? Полезли без ума, вот их в узком месте и прижучили.

– А я при чем тут? – буркнул танкист.

– Ты ни при чем, но лихость показать любишь. Думаешь, если война к концу идет, то началась сплошная прогулка?

– Я так не думаю.

– Мало того, что батальон угробили, – продолжал капитан. – Еще одна воинская часть в затор уперлась, хотя видели, дорога перекрыта. Ну и получили подарки от реактивных «мес-

серов». Нам, кстати, тоже в воздух поглядывать надо. Одна такая парочка, если зевнем, половину нашей команды выбьет.

Борис Антипов, широколицый, с аккуратно подстриженными усами, в сердцах отложил еду и тоже достал папиросы.

– Обязательно меня в присутствии младших по званию отчитывать надо?

– Иногда надо, – хлопнул его по плечу Ольхов. – Не обижайся. В последнем бою ты действовал нормально. Так и продолжай.

Небольшой городок с домами из красного кирпича и островерхими черепичными крышами проехали осторожно. Впереди двигалась пехота и открытые сверху самоходки «СУ-76», у которых был хороший обзор и сильные пушки «ЗИС-3».

Стены домов были поклёваны пулями, разбиты стекла. Из некоторых окон торчали белые флаги. Здесь же, на булыжниковой мостовой, лежал красный флаг с черной полосой и свастики. Выбежала пожилая женщина, скомкала его и нырнула в подъезд.

По мере движения в окнах продолжали появляться белые флаги, наскоро сделанные из простыней, кусков полотна, даже белых рубашек. При этом люди предпочитали не высываться. Хотя порой Савелий Грач ловил быстрые взгляды из-за штор.

На центральной площади возле бронзового памятника колонну встретил бургомистр с двумя помощниками. Все трое были в возрасте, лет за семьдесят, и держались напряженно, если не сказать испуганно. Старики сняли шляпы, а бургомистр на смеси немецких и русских слов произнес что-то вроде приветственной речи.

Заверил, что военных в городе нет, советским товарищам опасаться нечего, а жители испытывают гостеприимство и радостное настроение. Бургомистр собирался продолжить свою не слишком связную речь, но Ольхов его перебил:

– Не ломайте язык. Радость они испытывают... у нас есть переводчик.

Яков Григорьевич Малкин перевел сказанное. Бургомистр, помявшись, сообщил, что жители хоть и испытывают радость (при этих словах, не выдержав, засмеялся Савелий Грач), но опасаются невежливости со стороны отдельных несдержанных солдат. Особенно боятся молодые женщины и девушки.

– Чего им бояться? – весело заметил старшина Калинчук. – Силком никого в кусты не потащат. А от них не убудет.

– Калинчук, прикрой рот, – осадил его Василий. – А ты, Яков, скажи, чтобы ничего не боялись. В их радость я мало верю, но если не будет провокаций, людям опасаться нечего. Мы воюем с фашистами, а не с германским народом.

Лейтенант Малкин перевел, а бургомистр довольно искренне изобразил непонимание:

– Что есть провокации?

Капитан недобро прищурился и перечислил:

– Выстрелы с крыш, отравленная вода, мины при выезде из городка. Достаточно?

– Нет, нет, все будет нормально, – заверил бургомистр.

– Что это за памятник? – спросил Ольхов, кивнув на бронзовую фигуру человека в сюртуке с длинными волосами и необычной шапочке. – Чего они сюда Гитлера или кого-нибудь из своих рыцарей не втащили?

Бургомистр уловил смысл реплики, сладко улыбнулся над юмором доблестного русского офицера и сообщил, что это известный на весь мир немецкий композитор девятнадцатого века Рихард Вагнер. Малкин перевел и добавил уже от себя:

– Любимец Гитлера и антисемит. Прославлял арийцев. Зигфрида великого, Нибелунгов. Тот еще кадр, поэтому и торчит на площади.

– Почему белые флаги только сейчас вывесили? – поинтересовался Ольхов.

Бургомистр объяснил, что в городе до последних минут находился отряд эсэсовцев. Они не давали снимать нацистские флаги и стреляли по окнам, где появлялись белые полотнища.

Задерживаться в городке времени не было. Бургомистр с явным облегчением провожал русских. На прощание спросил:

– Кому прикажете передать свои полномочия, господин подполковник.

Эту фразу Ольхов тоже понял.

– В полковники меня еще произведи! Я капитан, а власть никому передавать не надо. Поддерживайте порядок сами. Когда появится комендатура, они решат более конкретно.

Остался позади городок с мостовой – брусчаткой и памятником композитору Вагнеру на площади. Наверстывая упущенное время, двигались на скорости. Мелькали мимо аккуратные фольварки, возделанные поля, а на запад эскадрильями и полками шли бомбардировщики и штурмовики.

– Тихо что-то, – вертел головой ординарец Николай Антюфеев. – Не нравится мне такая тишина.

Обогнали кучку гражданских, шагавших по обочине. Добротно одетые, в крепких башмаках, несли узлы, чемоданы. Ольхов остановил бронетранспортер, а с обочины радостно закричали:

– Свой! Наши пришли!

Оказалось, что это угнанные на работу в Германию парни и мужики из Воронежской и Ростовской области. Старший в группе рассказал, что вывезли их еще в сорок втором году, а теперь вот возвращаются на родину.

– Одежду вам справную выдали, – заметил Савелий Грач. – Наверное, за старание получили. Помогали фрицам воевать против нас. Не на военном заводе работали?

– Нет. В дорожной службе.

– Служили немцам, значит?

– Отстань от людей, Савелий, – перебил его Ольхов. – Расследование еще тут затей. Кто да откуда!

– Может, и будет расследование, – отозвался старший из рабочих. – Считается, на немцев трудились, значит, против своих. Только нашего согласия никто не спрашивал. Летом сорок второго погрузили в эшелоны и отправили в Штутгарт. А там кого куда распределили.

Среди угнанных были две женщины. Одна с грудным ребенком.

– Ребенок-то от кого?

– Моя дочка, – выступил вперед парень лет двадцати.

– Женились, крестились, пока твои сверстники воевали и за родину гибли, – подал голос ординарец Антюфеев.

– Жизнь не остановишь, – рассудительно заметил старший. – Ведь не от немца, а от своего родила.

– Одежку где раздобыли? – спросил Ольхов.

– Хозяин выдал, когда уходили. Боятся они нас, вот и стараются задобрить.

– А в чемоданах что?

– По мелочи набрали в разбитых магазинах, – ответил старший. – Кое-что из одежды, обувь, харчей немного.

– Детские вещички, нитки, иголки, – растерянно улыбалась женщина с ребенком.

По сути, она была почти девочка, лет девятнадцать, не больше. Значит, в Германию ее угнали лет в шестнадцать.

– Никто по дороге не обижает? – всматриваясь в радостные, однако напряженные лица, спросил Ольхов.

– Нет... нет. Кто же нас обидит? Красная Армия идет. Самая сильная в мире, – поспешно проговорил старший.

Это было не совсем так. Вчера вечером мимо них проходили десятка два немецких солдат. Видимо, только что из боя. В потрепанных мундирах, с закопченными лицами, некоторые были ранены. Мрачно оглядели беженцев.

– Русские... они выживут, – сказал один из солдат. – А у нас целая рота погибла. Мы умрем, а они дальше плодиться будут.

Он вскинул автомат, но его удержал за руку унтер-офицер.

– Не надо. Пусть шагают в свою Россию. Там, кроме развалин, ничего не осталось.

– Может, развлечемся с их женщинами?

– Времени нет. Да они худые, словно селетки. Какое удовольствие?

Беженцы за годы неволи научились понимать немецкий язык. Напряженно со страхом ждали, что будет дальше. Молодой немчонок порылся в их вещах, забрал консервы и пнул одного из мужчин.

– Убирайтесь, пока не передумали.

Об этом случае старший из беженцев предпочел умолчать. Даже свои смотрят с недоверием. Кому жаловаться?

Когда колонна тронулась, Петр Шевченко помахал им рукой:

– Счастливо добаться!

А Ольхов, помолчав, обронил с досадой:

– Не по-человечески мы себя вели. Люди обрадовались, освободителей встретили, а мы им допрос устроили.

– Конечно, – поддержал командира Малкин. – Их насильно угнали, а мы привязываемся.

Парторгу никто не ответил, а через пару часов штурмовая группа вступила в бой.

Это были развалины замка или небольшой крепости на склоне горы справа от дороги. Хотя и спешили, но капитан Ольхов по своей привычке на рожон не лез. Два мотоцикла разведки остановились, не доезжая метров сто до сваленных поперек дороги нескольких сосен.

Бронетранспортер Савелия Грача, двигавшийся следом, дал одну-другую пулеметную очередь. Выстрелов в ответ не прозвучало, но никто уже не сомневался, что здесь узел сопротивления, а из-за каменной стены за русской колонной наблюдают, ждут ее приближения.

– Умеют места выбирать, – чертыхнулся младший лейтенант Шевченко. – Завал наверняка заминирован, и по обочинам мин понатыкано.

Осмотрели объездную, слабо накатанную колею. Она петляла по склону, уходя в густой лес. Там тем более технику в упор сожгут. Капитан связался с дивизией, доложил обстановку.

Командир дивизии понял из доклада, что штурмовой группой здесь мало что сделаешь. Ну растащат завал, двинутся дальше и тут же попадут под огонь.

В другой ситуации полковник наверняка бы посоветовал не лезть напролом, провести разведку, возможно, послал бы подмогу. Но комдив был раздражен бесконечными задержками, считай, на последнем отрезке пути. То шоссе затопило, то развалины какой-то крепости и перекрытая дорога. Поэтому он отреагировал зло и несправедливо:

– Может, хватит волынку тянуть? Другие корпуса уже на подходах к Берлину, а ты плетешься, как коровий хвост. За сто километров марша один танк потерял. Здорово воюешь!

– Один танк и сорок человек личного состава...

– Не перебивай! У тебя две «тридцатьчетверки» и три самоходно-артиллерийских установки. Людей тоже хватает. Действуй! Для того и назначен командовать штурмовой группой. О результатах доложишь через два часа. Понял?

– Так точно.

Крепостная стена была так себе, полуразрушенная. Ее хорошо поколотили пушечными ядрами еще лет двести назад. Но каменная сторожевая башня нависала над склоном и дорогой угрожающе, и вести из нее огонь было очень удобно.

Тем временем наблюдатели высмотрели стволы нескольких противотанковых пушек и боевое охранение у дороги.

– Мешок, – оторвавшись от бинокля, подвел итог Петр Шевченко. – Ну расчистим мы дорогу. А что дальше?

– Расстреляют и танки и самоходки снарядами в борт, – мрачно заметил обычно рвавшийся вперед старший лейтенант Антипов. – У «СУ-76» боковая броня толщиной с палец, да и у «тридцатьчетверок» всего сорок пять миллиметров.

Антипов был прав. Уныло поглядывал на ущелье и узкую дорогу старшина Калинчук. Командир дивизии был не из тех, кто посылал полки напролом, не считаясь с потерями. Но чем ближе к Берлину, тем суетливее и настырнее становятся большие начальники.

Ни для кого не секрет, что Верховный поощряет негласное соревнование между командующими фронтами Жуковым, Рокоссовским и Коневым, которые наступают на Берлин. Кто первым возьмет столицу Германии, тому и самый большой почет. Маршалом победы может быть только один из них.

Да и неизвестно, что ждать от американцев, поэтому рвутся вперед, не считаясь с потерями корпуса и дивизии всех трех фронтов. А штурмовые группы и батальоны для того и созданы, чтобы прокладывать дорогу главным силам.

Ольхов курил, задумчиво глядя на лесистые склоны и обвалившиеся зубцы крепостной стены. И еще эта квадратная башня с узкими бойницами. Чьи-то глаза наблюдают за небольшой русской колонной. Ждут, что полезут как всегда напролом.

А в этом мешке не то что штурмовую группу а целый полк перемелют. И обойти нельзя. Если Ольхов со своими людьми и несколькими машинами обходными путями смогут обойти крепость, то дивизия, танки, масса пехоты и следом идущие войска никак не смогут миновать узкое место.

Что можно придумать в этой ситуации? Обойти с фланга, как мост на речке Пиница, и ударить в спину?

Сил маловато. Ну наберет он человек девяносто пехотинцев, разведчиков, саперов. Рассеются они в этом лесу, погибнут в стычках и встречных боях с передовыми постами. Горы и лес для нас незнакомые, а немцы как дома себя чувствуют.

Взгляд Ольхова снова остановился на сторожевой башне. Сложена из плотно пригнанных камней лет двести, а может, и все четыреста назад. Стены толщиной метра два и высота метров двенадцать.

– Пожалуй, пятнадцать будет, – проговорил за спиной Ольхова сапер Шевченко. – Самое выгодное место для ведения огня. С нее и немецкие позиции хорошо видны.

Уловив что-то в глазах хорошо повоевавшего сапера, Василий приказал сержанту Шугаеву:

– Иван, возьми помощника и хорошо понаблюдай за укреплениями и башней. Всем остальным замаскироваться. На открытые места не вылезать. Шевченко, Антипов, и ты, Савелий, отойдем в сторону, обсудим, как и что.

За ними шагнул было парторг Малкин, но Ольхов молча показал ему на лес и крепостную стену:

– Наблюдай тоже, Яков. У тебя же бинокль. Потом доложишь, что увидел.

– Есть наблюдать.

Обиженный, лейтенант пристроился возле сосны и принялся к биноклю.

Положение складывалось невеселое. Подразделения, подобные группе капитана Ольхова, создавались в период активного наступления войск. Как правило, главной задачей их была мобильная разведка. Проверить будущий путь движения дивизии, бригады, возможно корпуса. Определить силы противника и передать сообщение по рации.

Но, усилив многие из таких групп бронетехникой, минометами, их стали все чаще использовать в роли групп прорыва, штурмующих с ходу небольшие узлы обороны, для захвата мостов и переправ. Это позволяло не задерживаться основным силам возле какой-то укрепленной точки и с маху переправиться через захваченный мост.

Но в данном случае группе Ольхова, назови ее хоть трижды штурмовой, поставили явно непосильную задачу. Капитан, как и его подчиненные, понимали, что две сотни человек с несколькими танками, самоходками и бронетранспортерами будут уничтожены за считанные часы. При этом исключалась свобода маневра.

Надо было пройти, прорваться именно по этой дороге. Такое положение напоминало пресловутую «разведку боем», когда роту или батальон кидали в наступление на заведомо превосходящие силы. Рота или батальон поднимались, шли в наступление и почти целиком гибли.

Зато ценой десятков и сотен жизней выявлялись огневые точки немцев, которые было уже легче уничтожить. Получив приказ о разведке боем, комбаты могли только скрипеть зубами от бессильной злости. Первые годы войны этот тактический прием, неизвестно кем выдуманный, применялся очень часто.

Не хватало самолетов-разведчиков, средств наблюдения, бронетехники. Зато всегда имела людская масса, которую можно было использовать, не считаясь с потерями. Зная о заведомо губительном наступлении, бойцы простреливали себе руки, дезертировали. Все равно, конец один!

Но ведь сейчас апрель сорок пятого, к чему возвращаться к старому? Ольхов перебрался со своими помощниками мало что значащими фразами, выслушивал предложения и рассеянно кивал в ответ.

– ... растащить ночью завал, снять мины и рвануть вперед. Огонь из всех стволов, ни секунды задержки. Мне кажется, прорваться можно.

Это рубил воздух ладонью старший лейтенант Антипов, вызываясь оглядывая остальных.

– У тебя девять или десять танков? Что-то я подзабыл, – подковырнул его Петр Шевченко.

– А то ты не знаешь. Всего два. Но имеются еще три самоходки, бронетранспортеры...

– Ты за мои «сушки» не расписывайся, – перебил Антипова молчаливый лейтенант Юрий Милушкин. – У самоходок бортовая броня всего полтора сантиметра. Сильно она защитит? Да еще брезент сверху.

Мелкий ростом, с залысиной, несмотря на свои двадцать три года, Милушкин редко влезал в споры или рассуждения. Он был полной противоположностью танкисту Антипову. Держался особняком, больше общался со своими экипажами, которые, судя по всему, его уважали. За рассудительность, нежелание идти на поводу, когда приказ не продуман и обречен на провал.

– В самое фашистское логово забрались, – продолжал Борис Антипов. – Здесь без риска не повоюешь.

Фраза была пустая, ничего не значащая, и Милушкин отвернулся, не желая продолжать пустой, по его мнению, спор.

– Ну, а ты чего бы предложил, Юрий Владимирович? – обратился к нему Ольхов.

Вместо ответа маленький самоходчик пригладил лысеющую верхушку и кивнул на каменную башню:

– Торчит, гадина, как штырь в одном месте. С нее вся немецкая оборона как на ладони.

– Продолжай, Юрий.

Уловив мысль командира самоходчиков, беспокойно заерзал Савелий Грач:

– Если башню оседлать...

– Так тебя к ней и подпустят!

– К ней лес и кустарник вплотную подходят, – рассудительно заметил Петр Шевченко. – В темноте можно рискнуть.

– На Пинице получилось, почему бы и здесь и не попробовать?

Не спеша, пункт за пунктом обсудили родившийся план. Рискованный сверх всякой меры. Но если ситуация с лобовой атакой безнадежная, то можно ухватиться и за соломинку.

С наступлением темноты небольшой группой захватить башню. Поднять наверх оба имевшихся миномета, штуки четыре «Дегтяревых» и обрушить огонь сверху на немецкие позиции.

К тому времени вернулись разведчики и доложили, что разглядели в укреплениях четыре пушки, несколько минометов, пулеметные гнезда. Все это укрыто среди камней или в норах, выдолбленных в стене.

– Снизу вверх, то бишь с дороги, их трудно достать, – докладывал Иван Шугаев. – Зенитную установку еще вычислили. Четырехствольная, калибр, наверное, 20 миллиметров.

Ольхов рассматривал накорябанный на клочке бумаги план укреплений.

– А про башню что скажешь?

– Особняком стоит. Пулеметы там, два или три. На верхней площадке, кажись, пушка установлена, возможно, две. Может, и минометы имеются, только не увидишь их.

– Подходы к башне не заминированы?

– Не похоже. А на обочине дороги мины понатыканы. Патрули только по дороге или по склонам передвигаются.

Когда подвели итоги наблюдений, Ольхов изложил план:

– Савелий, возьмишь человек пятнадцать и убираешь посты у башни. Вторая группа присоединяется к тебе, и вы захватываете башню. Сверху ведете огонь по немецким позициям. Петр Шевченко с саперами разминировать и растаскивает завал. Если фрицы откроют огонь, танки и самоходки тебя прикроют. Затем вся бронетехника с десантом устремляется вперед. Главное, проскочить без остановки этот коридор между холмами, а дальше у вас уже будет свобода для маневра. Пехота начинает штурм с западной стороны.

– Гладко было на бумаге, – невесело усмехнулся Савелий Грач, – да забыли про овраги. Впрочем, другого выхода, пожалуй, и нет.

Через некоторое время пришел вызов из дивизии. На этот раз на связи был начальник штаба, вежливый, старого склада подполковник. Говорил он тихо, постоянно вставлял кодированные слова. Конспирация!

Узнав, что детали штурма уже обсуждены, уточнил время. Не зная, насколько точно немецкими специалистами перехватываются переговоры по радиации, Ольхов коротко ответил:

– Скоро, товарищ второй.

– Конкретнее нельзя? – настаивал вежливый начштаба.

– Нельзя! – выкрикнул, теряя терпение, Ольхов. – Оставьте фрицам хоть что-нибудь для раздумья. Они и так обо всем догадываются. Ждут не дождутся, когда мы в их мешок залезем.

– Не надо так мрачно. Почему мешок?

Василий бросил трубку и заковыристо выругался.

Ординарец Антиюфеев понимающе кивнул:

– Может, сто граммов, Василий Николаевич? И перекусите немного.

Выпив из кружки разбавленного спирта, Ольхов нехотя пожевал хлеба с тушенкой. Спросил, глядя в сторону:

– Как настроение у людей?

– Лучше некуда. И хуже тоже. В общем, на нуле. Здесь полк с тяжелыми гаубицами нужен, чтобы укрепления как следует встряхнуть. Сунемся мы с нашими малыми силами – как куропаток всех перебьют.

– Поэтому будем сначала башню брать. С нее прорыв поддержим.

– Башня... она как скала торчит. А если не возьмем?

– Знаешь, Николай, – вконец разозлился Ольхов. – Спасибо за сто граммов, но помолчи и дай мне отдохнуть.

Ординарец вздохнул и грустно покачал головой:

– Эх, Василий Николаевич. Не верю я, что до победы доживу. Берлин уже на горизонте, а тут этот проклятый замок-ловушка. Ешьте вы тушенку, а я автомат вам почищу и смажу. Небось опять в гущу полезете?

– Куда-нибудь полезу. Да не кисни ты, Николай. Бывали и хуже переделки. Выкарабкаемся.

– Всем бы такую уверенность. А то некоторые уже письма прощальные домой пишут.

– Ну и зря. Только жен и матерей тревожить. Ты хоть этой дурью не майся.

Ординарец ничего не ответил. В удачный исход ночного боя он верил мало.

Савелий Грач был ровесником Василия Ольхова. Двадцать шесть стукнуло в марте. Оба родились в тысяча девятьсот девятнадцатом году. Тогда людей гораздо больше умирало, чем рождалось. Гражданская война, голодуха, тиф.

Савелия жизнь крепко потрепала, впрочем, как и все то поколение. Едва не помер в двадцать первом году, когда в Поволжье начался невиданный до того мор. Неурожай, не засеянные после войны поля, вспыхнувший с новой силой тиф уносили людей сотнями тысяч.

Савелия спасло то, что мать, красивая и решительная женщина, пошла в помощницы (да и в любовницы) к хозяину мельницы. Хлеб ценился дороже всего. Отдавали за пакет муки семейные драгоценности, золото, последние сапоги.

Мельник раздулся от такой жизни, как паук. Возле него выжила мать Савелия и сестренка со старшим братом Иваном. Только удачи это золото да ценности мельнику не принесли. Заезжая банда перетрясла мельницу, дом и все амбары снизу доверху.

Убили мельника, его старую жену и мать Савелия. Детей пощадили. Выросли все трое в разных приютах. Иван, старший, когда пошел работать, забрал к себе сестренку Таню и соплевого еще Савку. Считаю, поднял на ноги.

Савелий с четырнадцати лет работал в Сталинградском порту. Вначале мальцом на побегушках, а спустя года полтора был принят в бригаду грузчиков. Грузили и разгружали все подряд, но особенно тяжелой была разгрузка мешков с мукой и солью.

Чувалы весили четыре пуда, почти шестьдесят пять килограммов. Когда взвалили на плечи первый раз такую тяжесть, Савелия повело в одну-другую сторону, но выдержал день до вечера.

Вечером сводило руки и поясницу от боли. Бригадная стряпуха Даша натерла его какой-то мазью, оставила ночевать в сторожке. Среди ночи Савелий проснулся, покосился на спящую женщину и, сглотнув от возбуждения слюну, полез к ней.

– Ты чего! – вскинулась было Даша, баба старше его лет на семь, но шум поднимать не стала. Поупиралась для порядка и, охнув, обмякла. В бригаде с ней почти все спали.

Забыв про больные кости, тискал, ласкал стонущую подругу. Так и не заснул больше, не дав поспать и Даше. Но утром присоединился к бригаде, бодрый, уверенный в себе.

– Что, Дашка сил прибавила? – ржали грузчики. – Мы думали, пластом валяться будешь, а ты как огурчик.

Привык к тяжелой работе. Платили так себе, но хозяева прибавляли за старание рубль-другой. Выделяли харчи на обед, особенно когда требовалось что-то срочно загрузить-выгрузить.

Года за два плечи и руки обросли жесткими крепкими мышцами. Походка стала, как у всех грузчиков, враскачку, увалистая. Кисти рук сделались тяжелые и цепкие, способные удержать любую тяжесть.

В тридцать восьмом, когда подоспело время призыва в армию, Савелия вызвали на военную медкомиссию, но признали к службе негодным – был искривлен позвоночник и плоховато видел левый глаз.

– Это я-то негодный? – удивился Грач. – Поднял одной рукой тяжеленные напольные весы, на которых взвешивали новобранцев, подержал и медленно опустил на пол. – Вы динамометр гляньте, больше меня никто не выжал.

– Ладно, иди, – отмахнулся от него военком. – Через год посмотрим.

Но спустя год Савелий Грач уже ходил по Волге и Каспию матросом на старом пароходе с диковинным названием «Пролетарский народный герой товарищ Камо». Легко женился и легко развелся, потому что жена загуляла, не выдержав его долгих плаваний.

В армию Савелия забрали осенью сорок второго. Время было такое, что на глаз и кривой позвоночник внимания уже не обращали. Вначале служил в пехоте, а вскоре взяли в разведку.

Набрался опыта, окончил трехмесячные курсы младших лейтенантов. Был дважды ранен, а за смелость и умелые вылазки во вражеский тыл имел орден и две медали.

Погиб на Карельском перешейке старший брат Иван и завалило бомбами в Сталинграде сестру Таню вместе с грудной дочкой. Один остался Савелий Грач на белом свете. Вернее, вдвоем со своей злостью к немцам и умением бывшего разведчика. Опасного, верткого, умеющего бесшумно преодолеть любую преграду.

Однажды в поиске двое напарников были ранены на нейтралке, и Савелий отправил их обратно.

– Сам справлюсь.

В одиночку много не навоюешь. Но столько ненависти накопилось в нем (про силу и говорить нечего), что полез к черту в зубы без прикрытия. Был уверен, что свернет любому шею.

Скользнув бесшумной тенью в траншею, задушил часового и осторожно уложил тело в нишу. Рядовой пехотинец, как «язык», мало чего стоит. Надо искать офицера.

С офицером не получилось. Подстерег фельдфебеля с помощником, обходившего посты. Помощнику вогнал под ребра финку а фельдфебеля, слегка придушив, дотащил к своим.

Добычу в штабе оценили. Фельдфебель героем не прикидывался и выложил немало интересного, спасая свою жизнь. Знал, что молчанка закончится выстрелом в затылок, а перед этим печенки отобьют, выколачивая сведения.

Поэтому и поставили Грача взводным в роту дивизионной разведки, несмотря на малое образование и подслеповатый левый глаз. Зато правым за двоих видел.

У основания башни стоял в каменном окопе крупнокалиберный пулемет на треноге. Возле него сидел дежурный стрелок. Не спал, смотрел внимательно на дорогу, противоположный склон, а временами на звездное небо. Вполне можно было ожидать русских парашютистов. С земли эти укрепления трудновато взять.

Неподалеку медленно прохаживался часовой. Уже в возрасте, под сорок. О парашютистах он не думал, а узел обороны не казался ему таким уж неприступным. Сунутся русские, получат по рылу, оставив как всегда горящие танки и кучу трупов, а затем подтянут тяжелые гаубицы.

Будут долбить без устали. Снарядов у них теперь хватает. Покажется мало, забросают сверху бомбами. Растечется горящий фосфор, выжигая все живое среди развалин – приходи и бери голыми руками. Разве какая-то старая крепость остановит русских?

Но больше всего ефрейтор-часовой переживал за семью. Две дочери семнадцати и девятнадцати лет.

Русские мимо них не пройдут, прячь не прячь. Азиаты, звери... пощады не жди. Сам ефрейтор как-то подзабыл то, что происходило в России.

И девок хватали, тащили, отпихивая прикладом матерей. Когда одна из мамаш вцепилась ногтями в приятеля ефрейтора, тот возмутился и выстрелил ей в живот. Когда уходили, она еще шевелилась. А дочь, пытаясь остановить кровь, грозила им маленьким кулачком и обещала, что Красная Армия за все отомстит.

Поразмышляли и добили бабу, заодно застрелив и дочь. Начальство не любило такие вещи, вот и избавились от свидетелей. Но это мелочь. Эсэсовцы евреев в каждом городке сотнями отлавливали и стреляли в карьерах, где земля помягче. Пока сто или триста человек закопаешь, целая морoka.

Ефрейтору послышался шорох. Он замер, снял с плеча карабин и обернулся. От каменной стены башни отделилась тень, и одним прыжком накрыло его. Кортик, доставшийся Савелию в Крыму от румынского офицера, вошел постовому в солнечное сплетение. Смертельный удар, который сразу перехватывает дыхание и пронзает брюшную аорту. Только ударить надо точно. А точности в таких делах Савелий уже давно научился.

Осторожно, чтобы не брякнуть оружием, опустил грузное тело ефрейтора на каменные плиты. Помощник лейтенанта, младший сержант, бежал к пулемету. Здесь шума получилось немного побольше. Зенитчик встрепенулся, крутнул пулеметный СТВОЛ:

– Кто здесь? – и с запозданием, не слишком громко, выкрикнул: – Пароль!

Немцу недавно исполнилось восемнадцать. Сообразить он ничего не успел. Надежной защитой казался ему хорошо смазанный «машингевер» калибра 13 миллиметров, послушный и легкий на развороте.

Младший сержант Степан Банников, воевавший с весны прошлого года, дело свое тоже знал. Пробитое ножом тело сползло с сиденья, продолжая цепляться за пулеметную рукоятку. Разведчики по одному ныряли в темный проход башни. Пахло плесенью и остывшими углями.

На втором этаже тишину прорезала автоматная очередь. Наблюдатель на площадке, услышав быстрые шаги, среагировал мгновенно. Пробитый несколькими пулями разведчик еще не успел упасть, а постовой уже кричал: «Аларм! Тревога!» Хоть и забыл стгоряча включить сирену, но шум поднял.

Однако время было упущено. Тревогу надо было поднимать, пока отделение разведки еще не ворвалось внутрь. Теперь пружина стремительно раскручивалась не в пользу гарнизона старой каменной башни.

Ответной очередью из «ППШ» отшатуло к стене, пробило в нескольких местах тело бдительного часового. У старого пулемета «МГ-08» дежурил лишь один солдат, который тоже был сразу убит.

Солдаты, свободные от дежурства, спали в обширном помещении на третьем этаже. Деревянные нары, матрацы, длинный стол, еще один пулемет у занавешенного окна. Тусклый фонарь осветил вскочивших, еще ничего не успевших понять воинов вермахта. Большинство из них были молодые парни семнадцати-восемнадцати лет.

Некоторые схватились за оружие, другие метнулись по лестнице вверх, кто-то поднял руки. Они разделили одну судьбу. Автоматные очереди настигали их во всех углах мрачного каменного помещения с узкими окнами-бойницами и печью – камином у дальней стены.

Степан Банников и двое бойцов кинулись вверх по крутой лестнице. На четвертом этаже их встретили выстрелы. Один из разведчиков упал у входа. Банников и его напарник успели отшатнуться. Посылали очереди наугад, выставив стволы автоматов.

– Гранатами глуши! – крикнул подоспевший Савелий Грач и первый швырнул «лимонку».

Взрывы отдавались двойным грохотом, сыпалась каменная крошка, а взрывная волна вышибала клочья дыма. Сгоряча швырнули полдюжину гранат. Когда ворвались, в низкой комнате с широкой верандой живых уже никого не осталось.

Лежали три-четыре тела, изорванные осколками. Кто-то успел выскочить на смотровую площадку башни. Ворвались следом. Фельдфебель в расстегнутом кителе стрелял от живота из автомата. Младшего сержанта Банникова перехлестнуло через грудь, он скатился по крутым ступеням вниз.

Но для остатков гарнизона это уже была агония. Иван Шугаев с руганью швырнул в широкий квадратный люк «лимонку». Едва успел отшатнуться от пуль, крошивших стену и ступени. Еще одну гранату бросил Савелий Грач.

Ворвались на площадку, и сразу подул в лицо холодным сырым ветром. Два убитых осколками немецких солдата, раненый фельдфебель, сидевший на каменных плитах. Здесь, на высоте, было светлее, или так казалось. Савелий перехватил наполненный болью и безнадеежностью взгляд старого вояки, зажимающего разорванный бок. Темные волосы прилипли прядями к мокрому лицу, он шевельнул губами, может, просил о помощи.

Иван Шугаев выстрелил ему в грудь и пнул обмякшее тело:

– Паскуда фашистская! Степку Банникова наповал.

Не сдерживая злости, прошел очередью еще одно тело – показалось, что немец жив. Быстро осмотрели площадку. Отшлифованные ветром массивные каменные зубцы, а между ними бойницы.

У бойницы, которая пошире, стояла 75-миллиметровая горная пушка на станине, закрепленной штырями. Посреди площадки был установлен на треноге крупнокалиберный пулемет с зенитным прицелом. Осколки гранат согнули прицел и продырявили коробку с лентой.

– Пушку переставляем в сторону укреплений, – командовал Грач. – Пулемет туда же.

Пыхтя, перетаскивали компактное, но довольно тяжелое орудие, весом семьсот килограммов, ящики со снарядами. Минометчики втащили на площадку разобранный на части «самовар», тоже искали место. Савелий оглядел площадку, заполненную людьми:

– Одна мина влетит и всех сразу накроет.

Остальные понимали это и без него. Но разбирать и перетаскивать вниз пушку не оставалось времени. А для миномета это было самое удобное место.

На третьем этаже стояла еще одна горная пушка и миномет калибра 81 миллиметр. Среди трофеев оказались также два пулемета.

Артиллеристы оттащивали в угол тела убитых немцев, разворачивали стволы на расстилавшиеся перед ними вражеские позиции. К пулеметам тоже подобрали расчеты, осматривали замки, взводили затворы.

Но если каменную башню взяли сравнительно легко, то дела внизу на дороге складывались хуже некуда.

Глава 3. Прорыв

Обочины дороги были густо заминированы. Противотанковые «тарелки» сплетались проводками с чуткими противопехотками. Мелкими по размеру и хитроумно спрятанными под широкими корпусами «тарелок». Было понатыкано в достатке смертельно опасных прыгающих мин.

Торчат из земли еле заметные гибкие усики. Если зевнешь и заденешь один, то срабатывает вышибной заряд. Взлетает на высоту человеческого роста килограммовая металлическая банка, набитая взрывчаткой.

Вспышка, грохот и град осколков разлетается в радиусе тридцати метров, убивая все живое. Нет шансов спастись, если наступишь на такую штуку.

Саперный взвод Петра Шевченко в непроглядной темноте, прорезаемой редкими вспышками осветительных ракет, пытался разминировать обочины. Дорога на виду – по ней не пройдешь, а сбоку глубокий кювет, кусты, деревья.

В мешанине натянутых, почти невидимых проводков, хорошо замаскированных мин взорвался один-другой боец. Сержант-сапер, самый опытный во взводе, сумел вытащить раненого товарища. Из немецких укреплений ударили пулеметы. В небо взвились «люстры», выпущенные из минометных стволов. Все вокруг осветилось белесым неживым светом.

За несколько минут до первых взрывов начался штурм башни. Выждав четверть часа и дождавшись доклада, что башня захвачена, Ольхов приказал прорываться вперед.

Завал из деревьев, тормозивший движение, танки объехали по частично разминированной обочине. За ними шли самоходки и бронетранспортеры. Дорога была хорошо пристреляна. Из укреплений открыли огонь противотанковые пушки и минометы.

Расчет длинноствольной 75-миллиметровой «гадюки» с массивным дульным тормозом вложил болванку в башню головной «тридцатьчетверки».

Башни обоих танков были развернуты вправо и отвечали огнем. Снаряд врезался в лобовую броню толщиной восемь сантиметров и застрял в ней. Машину встряхнуло с такой силой, что свалился со своего сиденья наводчик, а старшего лейтенанта Антипова ударило всем телом о броню.

– Огонь! – пытался выкрикнуть он команду, но изо рта вылетело лишь шипение, а тело не повиновалось.

– Сейчас, сейчас, – бормотал наводчик, снова карабкаясь на свое место и понимая, что «гадюка» их опередит.

Пушка была укрыта в нише под крепостной стеной. Командир расчета, старший унтер-офицер, ловил в прицел русский танк, выползающий из кювета на дорогу. Чтобы наверняка поразить новую «тридцатьчетверку» с усиленной броней, в ствол загнали кумулятивный снаряд, которых остро не хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.